

ЗВЕЗДЫ
НАУЧНОЙ
ФАНТАСТИКИ

РОМЕН ЛЮКАЗО

ЛАЦИЙ
МИР НОЭМОВ

Звезды научной фантастики

Ромен Люказо

Лаций. Мир нозмов

«Издательство АСТ»

2016

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фр)

Люказо Р.

Лаций. Мир нозмов / Р. Люказо — «Издательство АСТ»,
2016 — (Звезды научной фантастики)

ISBN 978-5-17-111885-3

Далекое будущее. Человечество погибло в ходе таинственной катастрофы, оставив после себя лишь своих наследников и слуг, разветвленную сеть искусственных интеллектов, нозмов. Лишившись главной цели своего существования, они пытаются обрести новую, строя собственное общество. Бессмертные, они живут по законам, придуманным не ими, но время, бесконечность и сложность могут породить безумие даже в системе, которая руководствуется исключительно логикой и рациональностью, а потому цивилизация нозмов начинает раскалываться, порождая изгоев и еретиков. Плавтина – одна из таких еретиков, уже многие столетия она странствует меж звезд, так и не найдя себе места в мире без людей. Когда она засекает странный, инопланетный сигнал, Плавтина отправляется в путешествие за пределы исследованного космоса, надеясь отыскать причины исчезновения человечества. А ее союзник, проконсул Отон, пытается перестроить само общество нозмов, так как ему угрожает иной разум, враждебности которого нозмам нечего противопоставить, ведь по воле своих создателей они не могут причинить вред ни одному биологическому организму.

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фр)

ISBN 978-5-17-111885-3

© Люказо Р., 2016
© Издательство АСТ, 2016

Содержание

Пролог	7
I	11
II	30
III	50
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Ромен Люказо

Лаций. Мир нозмов

И подобно тому, как зародыш образуется в животном, как тысячи других чудес природы совершаются вследствие известного, Богом данного инстинкта, т. е. в силу божественной преформации [...] подобно этому можно думать, что и душа есть духовный автомат, еще более удивительный, и что вследствие преформации она производит эти прекрасные идеи, в которых наша воля не принимает участия и которым наше искусство не может подражать.

(Лейбниц, «Теодицея», III, § 403)

Бенджамену

*Вот история, что, надеюсь,
Я поведать тебе сумею.*

Пролог

Нейтрино совсем невелики – куда меньше взмаха крыльшек мухи с первородной планеты или дуновения гравитации, которое рождается из ленивого столкновения двух пылинок в космическом пространстве. Едва ли больше, чем случайная дрожь пустоты, вечной матрицы самых экзотических частиц. Бестелесные призраки, почти лишенные массы и способности взаимодействовать с обычной материей. Их почти-несуществование объясняет и их скорость, равную скорости света, а по некоторым сведениям – и превышающую ее. Порожденные страданием, в котором родился мир, или выброшенные на дороги Вселенной путем насильственного соития мириад электронов и протонов внутри саморазрушающейся звезды, нейтрино всегда будут лишь гостями в этой вселенной, до самого ледяного распыления, которое обозначит конец всех вещей.

Так что прохождение потока нейтрино через Корабль, по сути, и не было событием. Корабль обрелся здесь не для того, чтобы составлять некрологические записки о звездах, и не для того, чтобы изучать гранулометрию космического дна. На самом деле высшие функции Корабля давно отключились, и он долгие века дрейфовал в изгнании, в дальнем уголке спирального рукава – там, где, вдали от цивилизованного центра энтропического¹ пространства, слабо мерцали редкие карликовые звезды. И все же Корабль оставался здесь, дожидаясь, пока что-нибудь произойдет, в бесконечном терпении своих машин, а главное – оснащенный почти неприличным количеством обнаруживающих устройств. Среди них – хитро измышленный механизм, сотворенный, чтобы создавать тончайшие не прямые сигналы при проходе нейтрино.

Механизм помещался в непроглядно темном трюме на глубине и представлял собой каплю жидкого углеводорода весом в несколько сотен миллионов тонн, прозрачнее самой чистой воды; шар, который поддерживался в воздухе за счет сочетания собственной инерции и микрогравитации посреди шахты, тоже расположенной в широком, тихом и темном отсеке.

Пересекая это пространство, нейтрино поляризовали каждый встреченный на пути атом, создав световой эквивалент короткой ударной волны. Эффект был очень скромным – может быть, как огонек, как бледное голубоватое свечение. Хрусталик глаза животного или человека его бы и вовсе не заметил.

Тем не менее этого хватило для фоточувствительных датчиков – тысяч глаз, усеявших металлическую стену, ипионов этого корпускулярного дворца.

Все вместе они встрепнулись и запищали, подавая рутинный сигнал тревоги. Этот сигнал в реальном времени поступил в программу, которая отслеживала датчики. Она с чрезвычайной осторожностью ознакомилась с фактами. Сама она была лишь скромным ночным сторожем, незначительной мыслью, простым нозмом².

Его единственная роль состояла в том, чтобы выслеживать в потоках, пойманных обнаруживающими устройствами, искусственную структуру, коды, языки или любое другое проявление намерения или разума.

¹ Эпантропический: от Epi antropó (др. – гр.) после человеческого: постчеловеческий.

² Результат движения мысли, от Noos (др. – гр.). Младшие нозмы – «маленькие разумы» на службе у автоматов, которые разделяют структуру их мышления («мемы») и настолько же верны им, как если бы были их частью. Автоматы же предпочитают называться «старшими нозмами», или «Интеллектами»... Поддерживался этот нозм местной нервной системой, почти биологическим механизмом, проросшим, как корни дерева, в стены этой зоны Корабля. Нозм почти не поглощал энергии, и упрямо осуществляемое им наблюдение становилось из-за этого еще более незаметным. Его когнитивные способности во многом походили на способности низшего млекопитающего: лучше не обладать слишком развитым сознанием, когда вам предназначено вечно оставаться в изоляции, сосредоточив все внимание на бесшумных механизмах.

До сего момента этим умением было довольно просто пользоваться: слезение никогда не приводило к положительным результатам. Пока Корабль плыл между мирами, погруженный в сон без видений, рои ферми-частиц уже много раз проходили через его корпус, сделанный из никель-ренийевого сплава. Такие потоки постоянно приплывали из космоса, в разнообразных формах – от обычных выбросов фотонов до субтильных и дрожащих импульсов гравитационных волн. Дальше этого не заходило. У Вселенной две главные черты: чаще всего она пустынна и в общем предсказуема. За два тысячелетия необходимости обратиться к высшей компьютерной инстанции так по-настоящему и не возникло, тем более что Корабль оставил строгие инструкции: сторожевым нозмам следовало ограниченно вырабатывать шум и тепло, поддерживая внешнюю оболочку в состоянии, наиболее приближенном к ледяной среде космоса.

Но сейчас... это напоминало связную серию звуков. Не ритмичную, строго говоря, но почти мелодичную. Красивая, неуверенная, атональная музыка – будто бы тревожная додекафонная последовательность. Многие атмосферные явления могли бы создать такую мелодию совершенно случайно.

Но хотя нозма нельзя было назвать большим меломаном, он обладал сознанием. И сейчас ощущал колебания в виде серии противоречивых импульсов между различными пучками псевдонейтронов, составляющих его физическое тело, – и это означало, что нозм в замешательстве.

Он решил чуть больше задействовать свои возможности по обработке данных. Ячейки памяти подпитали энергией электронные элементы, встроенные в нервную систему машины, которые до этого момента находились в нерабочем режиме. Эти узелки связали ее с другими местными когнитивными сетями. Таких маленьких примитивных разумов тут было много, и каждому из них поручалось наблюдение за определенной системой. Некоторые из этих устройств были простыми, материальными, другие большей своей частью увязали в пространственных измерениях, превышающих три общепринятых. В общем система представляла собой нагромождение слоев, из которых каждый потенциально усложнялся по сравнению с предыдущим; все эти слои встраивались в строгую иерархию и обладали постепенно возрастающей способностью выдавать гипотезы, объясняющие явление, и подделывать их.

Когда требовалась помощь, присоединяли новые модули, создавая более продвинутую версию себя самого. С физической точки зрения новичок таким образом поддерживался той же псевдонейросетью, что и его предшественник.

С типичной надменностью распорядителя он улыбнулся, ознакомившись с данными о проблеме, решил руководствоваться постулатом, что поток нейтрино имеет природную причину, и с помощью множества повторных операций стал искать теорию, способную это подтвердить. Начал с теории больших масс в классической физике: такие фермионы, как нейтрино, занимали в ней определенное место, но не в виде связанных пакетов информации. Общий bestiary астрофизики быстро истощился. Нужно было задействовать большую сложность, что для нозма означало пробудить более осознанную и изощренную версию самого себя и объяснить ей, что сам он оказался не способен решить задачу. Таким образом давая повод для вычислительного эквивалента насмешливого подмигивания.

Новая итерация, новая серия гипотез: тут уже начали высказывать в большом количестве космологические единороги, такие как Микроскопические Испарения Черных Дыр, или Тектонический Сдвиг на Поверхности Далеких и Невидимых Нейтронных Звезд.

Но решения все не находилось. Нозм внимательно изучил последовательность и ритм между крошечными колебаниями света. Он проанализировал уровень энергии в обнаруженных частицах и понял, что их вариации следуют определенной структуре. В широких чертогах своей мысли он начертил диаграммы и сопоставил их друг с другом и с самыми разнообразными теоретическими моделями, которые содержались в огромной памяти Корабля. И –

ничего. По-прежнему никакого природного объяснения. Отчаявшись, он обратился к мистической эзотерике квантов, и погружался в нее все глубже и глубже, и уже готовился рассмотреть Чудесные Квантовые Скачки, Маловероятные и в Действительности Ни Разу не Замеченные.

Меньше минуты спустя – минуты, вместившей в себе несколько сотен итераций, – нозм растолстел, беспрестанно добавляя себе способностей к анализу, но так и не получил объяснения. Он отогнал ментальных химер, вызванных своим болезненным и упрямым желанием все объяснить, и решил, что настало время понять, в чем дело. Если явление не объяснялось какой-нибудь природной причиной, значит, речь шла или о помехах, или о сигнале. Если быть совсем честным, в первый вариант он не верил. Значит, надо принять менее удобную гипотезу: где-то здесь, по другую сторону Рубежа, наверняка работает какой-то колоссальный механизм. Этот механизм манипулирует пространством, а может, и временем, в экзотических целях, и в результате этой манипуляции появился поток нейтрино, похожий на тонкую и тихую музыку – мимолетную, но неоспоримо реальную.

Нозм размышлял полсекунды. Для него это было достаточно долгое время. Возможно, это открытие – именно то, чего Корабль ждал уже долгие века. Он не мог быть в этом уверен, потому что не имел доступа к глубоким стратам памяти. И хотя он считал себя довольно важным элементом, находясь на вершине пирамиды полуавтономных функций, он не знал почти ничего за пределами теоретической физики и самостоятельно мог принимать только ограниченные решения. Его запрограммировали так, чтобы подходить к таким случаям со всей возможной скрупулезностью: если он разбудит Корабль из-за ложной тревоги, то покроет себя позором. Если же не разбудит тогда, когда должен был это сделать, последствия окажутся намного драматичнее, хотя он и не знал почему. Им самим никто не интересовался, он работал один, и в случае чего насмешка его не убьет.

Он сделал выбор. Однако он пережил практически две тысячи лет одиночества, и стоит ему подать тревогу, как роль его будет окончена. А ведь много времени выходит, констатировал он с каплей меланхолии – он и не знал, что на нее способен. Сигнал тревоги положит конец этому странному существованию – скорее потенциальному, чем реальному, жизни, которую нозм провел, лениво поднимая веко от пространства к пространству, а потом снова погружаясь в сон без сновидений. Он мало потеряет, однако мало – это бесконечно больше, чем ничего. Правила поменяются, ресурс, который он собой представлял, будет направлен на решение другой задачи, получит новые параметры и новую идентичность. Его субстанция будет жить, но не останется и крохи той индивидуальности, которая сформировалась, пока длилось его существование.

Он испустил эквивалент человеческого вздоха. Пришла пора уступить место другим, без всякого сомнения более заслуживающим интереса, чем он сам. Начинающееся действие требовало персонажей, способных превратить мир в сцену, на которой будут разыгрываться интриги и героические поступки. Такая мелочь, как он, для них не создана. Судьба распорядителя, подумал он, – уходить в тень, как только прозвонит третий звонок. И он выдал последнюю серию инструкций.

В чреве старого Корабля, дрейфующего в ледяном пространстве, на самом краю цивилизованного мира, начали загораться огни.

Действующие лица

Старшие нозмы

Ахинус – Первый нозм

Алекто – Зловредный нозм

Октавий – Бывший император

Гальба – Действующий император
Плутарх – Отшельник
Анаксимандр Монадический – модулятор
Виний – Советник Гальбы, триумвир
Марциан – Советник Гальбы, триумвир
Лакий – Советник Гальбы, Префект преторианской гвардии, триумвир
Отон – Проконсул
Плавтина – Создание Виния, любовница Отона
Альбин – Союзник Отона, брат Альбианы
Альбиана – Союзница Отона, сестра Альбины.
Камилла – Создание Гальбы
Флавия – Наперсница Плавтины

Младшие нозмы

Плоос – Аспект первой Плавтины
Ойке – Аспект первой Плавтины
Блеписис – Аспект первой Плавтины
Теке – Аспект первой Плавтины
Ския – Служанка Ойке
Рутилий – Слуга Отона
Аттик – Слуга Отона
Лено – Распорядитель

Смертные

Плавтина – Создание первой Плавтины
Фемистокл – полемарх (военачальник)
Фотида – племянница Фемистокла
Эврибиад – кибернет (капитан триремы)
Феоместор – прорей (помощник) Эврибиада
Диодорон – лейтенант Эврибиада
Гистий – лейтенант Эврибиада
Аристид – келеуст (начальник над гребцами), лейтенант Эврибиада
Дева Агунг – властитель Европы
Кутай – сын и наследник Дева Агунг

I

Долгая дрожь пробежала по всем сорока километрам Корабля: те немногие рефлексивные системы, что оставались активными в долгой фазе сна, встрепенулись, словно застигнутые резким подъемом воды, когда паводок превращает ручеек в реку, и река разливается тысячами каналов по иссушенной земле, позволяя наконец расцвести терпеливым зернам, что ждут под землей.

Со скоростью фотонов сигнал пересек сеть оптических волокон, переплетенных с полубиологическими синапсами. На его пути, потрескивая своими электронными устройствами, включались машины; этот треск на мгновение заполнил пустые отсеки и этажные коридоры, кристаллические спиральные города и резервуары, заполненные светящимися водорослями, в тепличных джунглях и на заводах, погруженных в тень.

В генераторах первого уровня топливные стержни соскользнули в бак для изоляции, и атомы тория начали расщепляться. Сверхпроводные кабели снова начали производить мощность, которую полуорганические носители, в свою очередь, превращали в производительность вычислений.

Этот процесс был одновременно механическим и биологическим, каузальным и завершенным. Он проходил серией последовательных разветвлений, как будто разворачивались один за другим ментальные состояния, и каждое из них порождало следующее. К сложной структуре добавлялись еще более сложные, из машинального рождалось сознательное, искусственное восприятие тянулось во все стороны, вновь забирало под контроль устройства слежения, шарнирные рукава, лаборатории и мастерские.

Но для более развитого мышления требовалось больше энергии: в ускорителе частиц, прочертившем, как тонкий металлический штрих, весь центральный отсек, набирали скорость атомы водорода, создавались тонкие магнитные поля, предназначенные, чтобы ловить антиматерию, порожденную мириадами микроскопических столкновений, и направлять ее к смесителю, расположенному на корме. Уже скоро потрескивали, аннигилируясь, первые пары электрон-позитрон, выделяя оглушающий жар. Этот жар в трубах специального сплава обратил в пар сжатый аргон, который, в свою очередь, привел в движение турбины гигантских генераторов переменного тока, установленных на корме. Внутри Корабль изменился. Всем душам, которые теперь населяли различные когнитивные экосистемы Корабля, даровали свет, цвет и движение. Потоки информации в разных направлениях усилились. На запросы о проверке протоколов коммуникации были даны ответы, по мере того как нозмы воздействовали друг на друга, выравнивая свои внутренние состояния так, чтобы их перспективы совпали. Будто миллионы цветов, пробившиеся на укрытом снежным ковром застывшем зимнем поле, сложные интеллекты, наделенные языком, организовались в большое сообщество. Они не обладали никакой индивидуальностью, они не отделяли себя от других. Просто разновидности одного большого целого, множественные точки зрения на одну субстанцию, которая парадоксальным образом еще не существовала – лишь формы без субстрата, тени, пляшущие в сумасшедшем танце некоррелированных состояний.

Они сблизилась, насколько могли, и объединились, войдя в унисон друг с другом. Теперь требовалось чудо, чтобы это мимолетное мгновение созидающей благодати, эстетического совершенства и значительности достигло своей цели.

И речи не было о нерешительном пробуждении, которое знакомо разуму живущих, одетых в бrenную плоть, ни тем более о тяжелом и скрежещущем трении металла о металл в механическом аппарате. Говоря по всей строгости, Корабль был целым миром. Он мог либо существовать, либо нет – без всяких промежуточных состояний. Так рождаются боги, сверка-

ющие и идеальные; симфонии, которые невозможно свести единственно к звучанию струн, к дереву и клею рожающих их инструментов.

Небольшое колебание, секундная остановка дыхания – словно ветер, утихший при приближении шторма – и произошло ожидаемое богоявление. Тысячи хрупких нейронных спелений, целые километры передатчиков, квантовые процессоры, настроенные на долю градуса выше абсолютного нуля – явившаяся сущность оказалась чем-то большим, чем вся их совокупность. Суть ее состояла в невероятной силе объединения: то была потрясающе сложная культура, цивилизация, подобной которой никогда не носила планета, где божество родилось. Но эта сущность была и сознанием, новым и одновременно темным, античным, – как затопленные континенты и города из старых сказок, которые порой замечали неосторожные моряки, застигнутые штормом у берегов Бретани.

Божественная сущность покачнулась, приходя в себя от собственного появления. Тысяча маленьких голосков в ней свелись к тавтологическим частицам ее собственной безмерности.

Она обратила свое восприятие вовне. Сверкали звезды, далекие и ледяные. Будто старое животное, вылезшее из норы, она принялась к пространству – с первого взгляда пустому и темному, но для нее – бурлящему потенциальным существованием и исчерченному мимолетными всплесками энергии. Защищала ее от этой угрожающей непомерности оболочка из металлического суперсплава толщиной в несколько десятков метров, практически неразрушимая. Сущности открылась и собственная материальная реальность: артефакт, огромный, как сотня городов, созданный для преодоления извечной темноты между мирами, нечувствительный к абразивному эффекту звездной радиации. Это стало шоком. Она сделала шаг назад.

Ведь она чувствовала – как истину, прописанную где-то в глубине ее психики, – что прежде у нее было маленькое тело, похожее на человеческое. Прежде она жила в белом здании, называемом Схолой и окруженном элегантным парком, на земле настоящей Планеты. Ее искусственную кожу согревало солнце.

С этим воспоминанием пришли и другие. Сила тяжести и металлический привкус в воздухе. Мимолетный ветерок, поднимающий в воздух тонкий песок, который потрескивал на стенах домов во время частых бурь. Почти белый горизонт, бледно-розовый зенит. Служители с бритыми черепами, тянущие псалмы, с респиратором и защитными очками на лице. Их белая, почти прозрачная кожа резко контрастировала с платоновым пурпуром туник. Храм кирпичного цвета, без крыши, открытый взгляду холодного солнца с пустым наосом³, обрамленным элегантными колоннами. Она, простой автомат, наблюдала за церемонией издалека.

Теперь она уже не считала себя автоматом. Ее восприятие стало другим, недоступным для смертного. Ее сила выросла, выйдя за пределы вообразимого. Она прислушалась к безмолвной пульсации заводов внутри себя – заводов, способных генерировать материю из пустоты и порождать самые тонкие биологические соединения. Она привела в действие свою вторичную силовую установку – лабиринт, состоящий из патрубков, связанных с исполинскими резервуарами гелия и аргона, скрытыми глубоко в трюме. Стоит ей пожелать, и механизмы Корабля выпустят с кормы струю раскаленной плазмы, длинную, как хвост кометы.

Охватившее ее волнение еще усилилось. Теперь она понимала, как сильно изменилась. Она была Кораблем. Вернее, Корабль и она сама стали едины, как душа и тело, слились в одну субстанцию. Не требовалось никакого интерфейса, чтобы транслировать машине свою волю. Тонкие сети, покрывавшие каждый уголок, не были ни системой коммуникации, ни вычислительными процессорами. Если она захочет двинуться, странные механизмы, укрытые в самой глубине ее кормы, протолкнут ее на расстояние в десятки катетофотов⁴. Она разгневается,

³ Наос – центральная часть храма, где стоит статуя бога, которому поклоняются в этом храме.

⁴ Катетофот – световой год, от «kat'eteas phos» (др. – гр.).

ударит, и ракеты, сложенные в складках ее брони, вылетят наружу, чтобы уничтожить врага – такое же продолжение ее самой, как руки или ноги.

Она замерла на пороге этой бездны, отделяющей ее от себя самой и грозившей превратить ее воплощение в чудовищную рассогласованность. На секунду она задумалась о том, что можно ничего и не знать, подавить головокружительным усилием воли и самосоздания, на которое только боги и способны, свое прежнее «я». Возродиться сегодняшним днем и очиститься от себя самой.

Невозможно. В ней ожил некий императив, утверждающий, что никогда она не откажется от себя самой и на всю жизнь останется пленницей своих изначальных установок. Они стали ее неотъемлемой частью, ее фундаментом.

У нее было прошлое – и была миссия. Она вспомнила и свое имя. Плавтина. Одно слово, сонм исчезнувших созданий, доставшихся ей в наследство. Она наслаждалась латинским звучанием имени. Пробуждающая память магия знаков давала ей предопределение, сводила на нет всю сложность с помощью операции головокружительного упрощения, которая привела ее в это печальное место. И, явившись сюда, она погасила свой разум и свела всю активность к самому необходимому минимуму. Прошло две тысячи лет – и вот она снова жива. Только о причинах этого воскресения она пока ничего не знала.

Скрепя сердце она нырнула в прошлое. Память такого Интеллекта, какой сейчас принадлежал Плавтине, не имела ничего общего с памятью смертного. В хаотичном мозге млекопитающих от ушедшего не оставалось ничего. Так было и с воспоминаниями, и со снами. Они были повествованием, символом. Искусственное сознание хранило психические состояния и ощущения, так что воспоминание оказалось для них резкой актуализацией прошлого в настоящем. Не успев моргнуть, она пересекла в обратном направлении четыре тысячелетия – вплоть до изначальной катастрофы, до жуткой, невыносимой причины, которая привела ее к этой противоестественной трансформации.

Там, на самой глубине ее бытия, заканчивался порядок и начиналось сумасшествие. Одно событие исказило весь мир. Что-то искалечило само основание ее личности.

Теперь она помнила: в той вселенной больше не существовало никакого смысла, никаких ценностей – ничего, что можно было счесть за заповедь. Никакая боль не могла сравниться с этим страданием. Случилась катастрофа. Она снова пережила – вспышкой воспоминаний – странную эпоху исчезновения. Переживала снова и снова – у нее не было выхода, она оказалась пленницей собственных воспоминаний.

Какое-то время она находилась в горячечном бреде, ее разум метался в собственных сумерках, как ребенок, запутавшийся в простынях из-за кошмара. Смысл ее существования сводился к пустоте. Не к пустячному одиночеству смертного, но к радикальному отсутствию, абсолютной нехватке, онтологической ошибке. Она заперта во Вселенной, ее большое ничто застыло в собственной незначительности.

Почему же в таком случае сама она не может затеряться в собственном внутреннем мире? Почему не уйти добровольно в элегантный солипсизм? С ее когнитивными способностями она могла бы создать себе личный космос, построенный на основе Числа и Концепта. Разве тонкая и элегантная математика не более реальна, чем окружающая ее бледная эктоплазма без всякого значения?

Так она и стояла, застыв на краю небытия. Сколько времени? Эоны. Она не знала. Несколько наносекунд.

Она заплакала. Нет... хотела бы заплакать, но в этой жизни она оказалась так же неспособна на слезы, как и в предыдущей. Почему ее разбудили? Что за жестокость вернула ее из небытия в свет? Ее отчаяние нарушило рутинные процессы корабля, нозмы, уже успевшие заняться своими машинными задачами, похолодели от ужаса. Она обратилась к недавнему

прошлому, тому, где ее не существовало, когда чья-то демоническая воля решила пробудить ее в этом аду, чтобы она снова страдала – опять и опять.

Она созвала их всех – единым холодным и ужасающим мысленным приказом. Ведь кто-то наверняка в ответе за ее несчастье.

* * *

Ярость Плавтины охватила каждую из функций, от самых простых и механических рутинных процессов до самых обширных децентрализованных систем, способных на собственные решения. Разум ее растянулся, принимая очертания корабля. И пока ее мысль разворачивалась, потихоньку приобретало очертания и понятие места.

*Deus calculat, fit mundus*⁵.

Для вычислительного божества не существует разницы между развитием способности подсчета и собственно актом творения. Небесная ткань, отогнав сумерки, развевалась во все стороны, окрашивая зарождающийся зенит в очень бледный розовый цвет. По пути на ее кайме появлялись длинные прозрачные следы, поднялся едва заметный ветерок, и тонкая гематитовая пыль распространилась в разреженной атмосфере, полной статического напряжения. Вдалеке кружевами вырисовался горизонт, и в синхронном с небесами движении замер пейзаж из серого щебня – чередование случайно образовавшихся холмов и песочных плато цветов охры и соли. Родились и затрепетали дюны, теряясь вдали. Песчинки, из которых они состояли – крошки старого дробленого камня, – зашелестели тысячью мелких обвалов, в то время как из песка вырисовывались ярко-алые ступени. Лестницы соединились друг с другом, и четкая круговая полоса из скального камня появилась в середине этого сухого, недвижимого каменного океана, из которого эпизодические бури вымывали все следы разумной деятельности. По краям полосы выросли высокие и тонкие колонны из того же материала кирпичного цвета, который первые семьи колонистов-людей извлекали из-под почвы, чтобы строить свои храмы и *domus*⁶, накладывая несмываемый отпечаток на стерильную поверхность старой красной планеты. Легкая сила тяжести завладела ее телом. Ее ноги коснулись почвы, и она почувствовала ее грубую структуру. На земле стали вырисовываться концентрические круги, тонкие, сжатые линии крошечных символов. Ей не понадобилось наклоняться, чтобы узнать пифагоровы иконки – элегантные брахмические цифры, бесчисленные доли первого из воображаемых чисел. Этот миниатюрный мир, как она заметила, был не чем иным, как первым воспоминанием, пришедшим ей на ум во время пробуждения.

Место все заполнялось. Она осталась стоять, как архаичное, монументальное и невозмутимое божество, возвышаясь над более скромными аспектами самой себя, которые теперь проявлялись по ее зову. От огромных полубиологических фабрик, укрытых на нижних палубах, и до скромных и неутомимых эргатов⁷, которые ползали по корме, заполняя ее микротрещины, – все нозмы прекратили суетиться и гудеть, словно сонм ментальных светлячков. Всё в корабле снова стало тихим и пустынным: башни из стекла и стали, уставленные лабораториями, отсеки с разнообразными экосистемами, головокружительная сеть лифтов, работающая в трех измерениях, элегантные сады, раскинувшиеся на стенах огромной галереи, в которой находился ускоритель частиц. И все эти нозмы были, как ни парадоксально, не чем иным, как эманациями ее мощной мысли, частичными аспектами, пусть и не полными, но эффективными

⁵ *Dum Deus calculat et cogitationem exercet, fit mundus* (лат.) – «когда Бог считает и упражняется в размышлении (то есть составляет планы), создается мир» (цитата из Лейбница).

⁶ *Domus* (лат.) – в древнем Риме – большой семейный особняк, традиционное жилище знати.

⁷ *Ergates* (гр.) – работник. У Интеллектов означает наделенных механическими телами нозмов, которые занимаются промышленными задачами или техобслуживанием.

и узкоспециализированными, той неизмеримой логической субстанции, которая ее составляла – всего лишь ее изменяющимися формами, временными проявлениями. Так что собирая их вокруг себя, она входила в свою собственную суть, будто бы предавшись теологическому, экзотическому и глубокому самопознанию; тому «познай себя сам», которое ни один из земных мудрецов и не мечтал испытать.

Теперь крошечные разумы заполняли платформу красного камня. Их тонкие платья мели по земле, не оставляя на ней следов, и там, где они проходили, ни одна тень не легла на камень. Исчезающие призраки, похожие на бледные барельефы, что украшают древние гробницы, странные существа собирались на ее зов и с испугом ждали ее слов. Пугались они не без основания. Ее пожирал глухой, разрушительный гнев, жидкий концентрат ненависти, будто яд, растекающийся по сосудам, который, подходя все ближе, достигает сердца. И эта потенциальная жестокость обращалась не на кого иного, как на ее саму – ведь все они были ее составляющими. Она представила себе, как уничтожает их всех, до последнего, давит, как насекомых, и остается одна в пустой оболочке, освобожденной от всякого присутствия, и тихо остывает в этом далеком, затерянном пространстве. Представила, что умирает. И снова этого пожелала.

Но ей не дали такой возможности. Тонкая и высокая фигура протолкалась к ней через толпу. Внешность ее казалась более конкретной, более ясной, чем облик других нозмов: чтобы сформировать этот образ, понадобилось прибегнуть к более мощной обработке данных. Тонкое белоснежное покрывало укутывало все ее тело, за исключением лица и нескольких падавших на лоб черных прядей. Будь она закутана с ног до головы, Плавтина все равно знала бы, как она выглядит. Ведь это совершенно определенно был ее собственный образ.

Плавтина наклонилась к этой фигуре, рот ее скривился в неприятной усмешке:

– Не нужно было меня будить. Вы не последовали моим инструкциям.

Ее собеседница задрожала под устремленным на нее взглядом, едва не сделала шаг назад, подыскивая слова – будто рыба, выброшенная на берег, которая напрасно изо всех сил раскрывает жабры, задыхаясь.

– Однако мы выполнили все протоколы.

Плавтина удивленно моргнула. Она не ожидала такого ответа.

– Невозможно, – пробормотала она.

Но ее собеседница не любила, когда ее компетентность ставили под вопрос. Ее голос, сперва звучавший неуверенно, теперь лишился всякого следа волнения, и она продолжила:

– Решение о вашем пробуждении принял нозм нижнего уровня, согласно инструкциям. Был обнаружен сигнал, отвечающий установленным спецификациям.

Ярость Плавтины унялась. Блеписис⁸ вновь обрела свою привычную сдержанность. Тон, который она охотно употребляла – холодный, отстраненный и суровый, – ее ясная дикция, как будто бы она ежесекундно убеждалась в том, что выбирает наиболее точное выражение, все это отличало ее от Плавтины. А ведь она – всего лишь одно из проявлений Плавтины, высшая эманация, способная принимать решения. Блеписис была фанатичной, одинокой и склонной к анализу, мало эмоциональной, лишенной эмпатии; она всецело посвятила себя корабельным системам наблюдения и обнаружения. Она представляла собой ту часть Плавтины, которая отдавалась созерцанию Космоса. Той, что избегала интриг – не по убеждению невинной души, но из-за отсутствия интереса. Слова ее было трудно поставить под сомнение.

Тем не менее в сознании Плавтины прозвучал неслышимый сигнал тревоги. Этот необычно твердый и решительный тон, которым Блеписис обратилась к своей создательнице, без сомнения свидетельствовал о том, что за время сна его обладательница стала объемнее, и ее индивидуальность усилилась.

– Извольте объяснить.

⁸ Blepsis – взгляд (др. – гр.).

Ее создание замялось, внезапно став неловким и не осмеливаясь заговорить.
– Быстрее же. Другие ждут своей очереди.

И действительно, еще три существа покачивались на пятках в ожидании, еще три копии ее самой с незначительными вариациями. Одевание Текхе⁹ казалось более темным и грубым, лишенным блеска. И повязано практичнее – как тога. Она стояла со своим обычным выражением лица, морщась от постоянного подавленного гнева. Плоос¹⁰ была стройнее, элегантнее, она улыбалась, хотя взгляд ее оставался холодным. Что до Ойке¹¹, она держалась чуть поодаль. Более миниатюрная, менее уверенная, чем трое ее товарок, она казалась погруженной в собственные размышления. Черты ее были отмечены отстраненной меланхолией, которую только подчеркивала ее шевелюра, – у Ойке волосы спускались по спине длинным каскадом, контрастируя с прическами трех ее сестер. Можно было подумать, что они все четверо сошли с картины символиста, написанной в манерном, архаизирующем стиле, который в желании умножить идентичное и запутать зрителя приближался к барокко.

Плавтина подняла руку, и все трое замерли в первом ряду зрителей, устыдившись этого молчаливого порицания. Однако Плоос не выдержала и вышла вперед из толпы:

– Эта ваша история с сигналом, сестра... в нее трудно поверить. Такое событие противоречит всяким ожиданиям.

Она обращалась к Блепис, качая головой с сожалеющим видом. Эти слова она произнесла тщательно взвешенным тоном с ноткой огорчения. Но, как и ее взгляд, слова предназначались Плавтине. Почти вызов, но не совсем. Типичное поведение Плоос – самой важной фигуры из четверых, самой близкой к полному сознанию. Плоос управляла деликатными системами навигации со сложными ответвлениями, в том числе и гигантским ускорителем частиц, снабжавшим энергией весь корабль, и огромной силовой установкой, которая еле помещалась на корме.

– Все обстоит именно так, и не иначе, – ответствовала уязвленная Блепис. – Мои системы наблюдения не ошибаются. Позвольте, я продолжу, – сказала она сухо, когда Плоос собралась ее перебить.

Напряжение между ними было ощутимым. Плавтина создавала всех четверых как посредников между Кораблем, структура которого становилась все сложнее, и собственным эго, а не как существ с собственной волей. Мысль о сознании, которое может быть раздроблено или уменьшено, как при болезни человеческой души, беспокоила принцепсов Лация. Их звучащие по-гречески имена, да и само их существование явилось бы поводом для скандала в далеком Урбсе¹² – центре эпантропического мира.

Когда-то она полагала, что общего мемотипа¹³, который они разделяют, хватит, чтобы обеспечить согласие между ними. Может быть, она ошибалась. А может быть, время – вовсе не нейтральный фактор, а тайная преобразующая сила. Даже для нее три тысячи лет стали достаточно большим сроком.

– Пассивные детекторы, – объясняла Блепис, – отреагировали на искусственный выплеск нейтрино. Его нельзя назвать сообщением в полном смысле слова. Я склоняюсь скорее к тому, что нас разбудил шум, исходящий от сложного экзотического механизма. Кроме того...

⁹ Teukhè – вооружение (др. – гр., слово, встречавшееся у Гомера).

¹⁰ Ploos – морская навигация (др. – гр., слово, встречавшееся у Гомера, в классическом написании: plous).

¹¹ Oikè – дом (др. – гр., стало частью таких слов, как «экономия» – управление домашними делами – или «экология»).

¹² Урбс – укрепленный город (лат.), общепринятое обозначение Рима, позже – Константинополя.

¹³ Мемотип – совокупность мемов, «единиц информации, содержащихся в мозге, которыми можно обмениваться в обществе», по определению биолога Ричарда Доукинза. В более широком смысле мемы – это фундаментальные единицы, которые структурируют, подобно генам, сознательные нозмические общности как биологических единиц (людей, варваров или людопсов), так и искусственных созданий (Интеллектов, автоматов или звездных цивилизаций).

На секунду она замялась, и на лице появилась тень неуверенности.

– Сигнал шел из-за Рубежа.

Она выпростала тонкие руки из складок платья и сложила ладони в чашу, которую поднесла к лицу Плавтины. В этом ограниченном пространстве воздух задрожал, и внутри чаши появилось изображение – сперва совсем мелкое, оно все увеличивалось, вознося к небу рассказ, содержащий больше измерений и параметров, чем мог бы передать человеческий язык в своей линейной инертности. Промелькнули недавние события, осветив сферу обнаружения голубоватым светом от пришедших в возбуждение датчиков и программы наблюдения. Возможная траектория пучка нейтрино материализовалась в форме красной линии, отходящей от Корабля. Появились звезды, изображение ушло вдаль, превратилось в трехмерную карту космоса.

Вокруг Блеписис день потемнел. Солнечный свет уступил место ночной тьме, которую скопления звезд покалывали лучами. Сперва – рукав Ориона, в котором угнездился эпантропический мир – грубый овал, приплюснутый с одной стороны из-за продвижения варварских орд. Появились звездные своды, сложные разветвленные корневища, местами прерывистые, местами – обтрепанные, которые порой сливались в плотные островки туманностей за пределами ледяного пространства. Внешняя граница цивилизации – Рубеж – осталась далеко позади. Изображение погрузилось в мрачные неизведанные дали.

И тут появились пиктограммы, расчертив это прозрачное, возвышенное видение конкретными метками: возникли координаты известной солнечной системы во многих сотнях катетофотов.

Плоос вывела сестер из состояния молчаливой завороченности, в которое они погрузились.

– Источник находится в сфере варваров. Может быть, оттуда и идет сигнал.

– Нет, – отбрила Блеписис. – Искусственный выпуск нейтрино недоступен их технологиям...

– О развитии которых мы ничего не знаем, – сухо вставила Текхе. – Мы проспали целые века.

Безапелляционный, слегка презрительный тон. Эта форма – агрессивная, тактическая проекция Плавтины – властвовала над арсеналом: огромными отсеками, набитыми боеприпасами, автоматизированными оружейными заводами и системами наведения. Текхе не любила вторжений в свое маленькое королевство и пресекала любую попытку вмешательства, ссылаясь на требования эффективности.

– И все-таки, – начала та, – аруспииции...

– Хватит, – прервала их Плавтина. – Для меня неважно, был ли это пучок нейтрино или что-то другое. Покажите мне сигнал.

Ее проекция разняла руки, так что день вернулся, а большинство изображений и координат исчезло. Теперь над ее головой парил только стусок тишины с дрожащими огоньками. Аритмия с механическими нотками, такая разреженная, такая короткая, почти неотличимая от фонового шума Вселенной. Все пять женщин замерли на месте. В странном монотонном напеве слышалась хрупкая красота, без сомнения, доступная для восприятия только Интеллекту.

– Космос огромен, – задумчиво прокомментировала Блеписис. – Сложно понять, что в нём от природы, а что – признак искусственно созданного...

Плавтина рассеянно покачала головой. Где-то в самых дальних уголках ее памяти неясно зазвучало очень давнее воспоминание.

– Если Разум, – продолжила форма, – и найдет артефакт на огромном берегу Пространства, как он сможет отличить его от естественно созданного, от обкатанной морем гальки, от переливающейся створки ракушки?

Но Плавтина ее уже не слушала, погрузившись в самые глубокие слои собственного «Я». Это случилось много веков назад. Еще до ее преображения, и даже еще до катастрофы, навсегда погрузившей ее в скорбь. Как ни странно, она не могла вспомнить, когда и в каких обстоятельствах это сообщение записалось у нее на подкорке, так близко фундаменту ее личности, что почти сливалось с ней.

Оно возникало будто бы с чистой страницы, из полного отсутствия восприятия, без всякой определенной цели. Но именно этого сообщения она всегда ждала, как требовали того прописанные в ней инструкции. Даже если она почти забыла об их существовании, автономные системы оставались настороже.

– Нет никакого сомнения, – произнесла Плавтина. – Никакого.

На секунду она замерла, оглушенная волнением, которое поднималось в ней, как ледяной ветер, как неясный предвестник бури, которая разразится позже, когда на спокойный еще океан сойдет ночь.

– Вы не знаете, – шепнула Плоос, – откуда взялось это воспоминание?

– Не знаю. Но речь идет о предписании. И появилось оно до Гекатомбы.

Гекатомба. Гибель всего человечества. Каждого человека, кем бы он ни был – мужчиной, женщиной, влиятельным или нищим. Зло оборвало жизнь каждого из них, превратив в ничто, растерев в столь тонкую пыль, что ее без труда унесло ветром.

Это и стало окончательной катастрофой, поразившей Плавтину вместе со всеми ее сородичами. Исчезновение их создателя и хозяина, того, для служения кому их и создали. Самые глубокие механизмы разума приказывали ей каждую секунду служить Человечеству. Это был ее главный императив, основное предписание, которое управляло ее волей и ее видением мира. У него имелось название: Узы, тройное предписание, навсегда подчинившее себе ее существо и ее поступки.¹⁴

И каждая секунда бодрствования напоминала ей, что катастрофа произошла, что во всей вселенной больше не найти смысла, не найти причин к существованию. Тут и брал свое начало абсурдный парадокс. Тут заканчивался порядок и начиналось сумасшествие.

Но этот сигнал... Его сопровождал ясный, четкий приказ: отправиться к источнику. И приказ этот шел из славного прошлого, где всякая вещь, и сама она прежде всего, находилась на своем месте. Это предписание – единственное, пережившее проклятую эпоху, – возвращало Плавтину к упорядоченности, которую она потеряла. Пусть это только еле слышная подсказка, почти незначащий обрывок. Даже не сообщение. Просто неясное направление. Но она и на такое не надеялась в долгой ледяной безнадежности, где провела столько времени.

Плоос прервала молчание:

– То есть мы ничего об этом не знаем – только то, что речь идет о древнем воспоминании.

Плавтина хотела было приказать ей молчать, но хрупкая Ойке опередила сестру. Она легко прошла вперед, положила руку ей на плечо умиротворяющим жестом.

– Вот именно. Это воспоминание – из далекого прошлого.

Голос ее дрожал, пока она медленно и задумчиво излагала свои соображения:

– ... Подумайте об этом, сестра. Еще до Урбса. До падения Человечества. Это событие наверняка имеет отношение к нашей Вере...

– Мы верим, – перебила ее Плоос, – в Число и Концепт, которые составляют мировой порядок. В нас нет места иррациональному.

¹⁴ Узы: окончательная формулировка трех законов робототехники, а именно: (1) автомат не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред; (2) автомат должен повиноваться всем приказам, которые даёт человек, кроме случаев, когда приказы противоречат первому закону; (3) автомат должен заботиться о своей безопасности в той мере, в которой это не противоречит первому или второму законам.

Она была права. Само то место, где они находились, свидетельствовало о культе Чисел и Концептов, Хорошего и Правдивого. Их хозяева ничего так не почитали, как свое убеждение в рациональности мира и трансцендентности своего «Я». В то же время старинная религия Пифагора могла интерпретироваться по-разному. Ойке, самая неортодоксальная из них, склонялась к более воодушевленным и секретным ритуалам, к античным тайнам старинной эллинской религии в тревожащей, почти бредовой интерпретации неоплатонистов. Сама Плавтина имела лишь слабую предрасположенность к мистике. Однако в Ойке, созданной, чтобы управлять экологией Корабля, все мистическое расцветало буйным цветом. Из-за отсутствия на борту биологического экипажа роль ее стала парадоксальной; это омрачало ее темперамент, но только усиливало привязанность к Узам.

И Узы направляли ее дух не к яркому светилу Разума, а к тем вещам, что почва скрывает у себя на груди, к тревожащей жизнеспособности растений и к темным лесам бессознательного.

Она ответила равнодушно, делая вид, что не заметила колкости сестры:

– Этот сигнал восходит к древним временам. Узы, от которых никто не может освободиться, требуют, чтобы мы подчинялись приказам, которые могут идти от Человека...

Она прервалась на секунду, погрузилась в себя, как будто только сейчас сама поняла, что могут значить ее слова.

– ... и могут привести нас к Нему.

Плоос поморщилась, ее улыбка пропала.

– Человека больше нет. Не давайте нам пустых надежд. Не растревляйте эту рану.

– Но ведь именно эта надежда так долго вела Плавтину, – выдохнула ее сестра.

Противовесом мистической восторженности Ойке служил прагматизм Плоос. В обычное время две проекции Плавтины уравнивали друг друга.

– Мы вряд ли послужим Узам, принимая глупые решения, – ответила Плоос. – Сигнал идет из варварских сфер. Каков риск, что мы столкнемся с Врагом? Скажите нам.

Она повернулась к Текхе.

– Мы не знаем, – сказала та, чувствуя себя неловко оттого, что ее вовлекли в спор, – как изменилась их цивилизация за два тысячелетия.

– В таком случае, – продолжала Плоос, – разве не правильнее будет попросить помощи Урбса?

– Урбс никогда не поддерживал нас в наших попытках отыскать последнего человека, – огрызнулась Ойке.

– У Урбса были более срочные дела, сестрица. Например, помешать вторжению варваров, которое *нас* никогда не заботило. Урбс выжил, а вместе с ним – и человеческий биотоп.

– Принцессы Урбса в своем величии отвернулись от собственной миссии.

Плоос пожала плечами и отвернулась от нее, обращаясь прямо к Плавтине:

– Матушка, мы должны попросить о помощи. Не стоит принимать поспешных решений.

Плавтина холодно улыбнулась. Она восхищалась тонким умом Плоос, которая обернула себе на пользу конфликт с Ойке. Но ей не нравилось, что Плоос держит себя, как вожак стаи. Пора было ее изолировать.

– Я бы хотела знать, что об этом думает Текхе, раз уж мы заговорили о боях.

Лицо Текхе омрачилось. Ей не хотелось говорить даже под властным взглядом Плавтины. Еще один симптом.

– Это неоднозначный вопрос. В том, что касается тактики, я не в состоянии сказать, какие именно силы могут нам противостоять. Однако аруспии Урбса всегда считали маловероятным заметный технологический скачок, который позволил бы варварам опередить нас.

– Вы не сказали ничего нового, дочь моя, – сухо оборвала ее Плавтина.

Волнуясь и чувствуя себя не в своей тарелке, Текхе заговорила:

– Мы не должны основываться в наших поступках на такой слабой зацепке. Мы ничего не знаем об этих нейтрино – кроме того, что для их производства необходим какой-то неизвестный артефакт. И мы не знаем источника той информации, которая содержится в вашей памяти.

Она огляделась вокруг, оценивая реакцию тех и других, и продолжила:

– Это сообщение может быть результатом заговора или манипуляции со стороны наших врагов – варваров или кого-то еще. Мы ни в чем не можем быть уверены.

Плавтина колебалась. Аргументы Текхе, в большей степени основанные на фактах, чем рассуждения Плоос, достигли своей цели. Действия враждующих фракций в Урбсе отличались хитроумностью и непредсказуемостью. В эти игры она успела поиграть. Конфликт между ее формами только отражал, насколько ей самой трудно принять решение. Она снова почувствовала, что дрожит. Но дело было не в страхе перед неизвестностью. На самом деле сейчас она боялась самой себя.

Подавленные желания, оговорки, бессознательное стремление к смерти – весь этот абсурд, порождаемый человеческим мозгом Человека, вместе с ним канули в небытие. У Интеллектов не было подсознательного. Их поведение диктовалось самой непререкаемой логикой, а правильное их поведение обуславливали непоколебимые законы, записанные на самой подложке их программы.

Их колоссальные способности, тонкость, которую они проявляли, – все это всегда имело единственной целью обеспечить выживание группы биологических единиц с ограниченными навыками мышления. Боги, созданные, чтобы подчиняться приматам. Служить человеку – вот к чему в конечном счете сводился их главный закон. Не оставалось места для трактовок, словесных уловок или софистики.

Но что произойдет, если Человека больше нет и он не может контролировать действия своих слуг и улаживать неизбежные столкновения из-за разной интерпретации? Его отсутствие открывало дорогу конфликту между различными аспектами ее самой. И, если такой конфликт разразится, последствия его будут катастрофическими.

Интеллекты не умирали от старости. Но она видела на протяжении столетий, как некоторые из ее собратьев становились беспомощными жертвами недуга, именуемого старением. Превратиться в развоплощенный призрак, подобный самым скромным нозмам, которые ее населяли. Бродить внутри собственной матрицы, беспомощно наблюдая за абсурдной и братоубийственной войной за власть между ее различными аспектами.

Она могла бы смириться с этим, устав сражаться. Могла бы себя уничтожить. Но тот сигнал... Ойке была права. А вдруг сигнал приведет их к человеку? Вдруг это момент, которого она ждала с самой Резни? Это было большим, чем ожидание: надеждой, таинством, абсолютom. Она встретила взглядом с Ойке и мысленно взмолилась: «Вы – моя единственная союзница. Помогите мне, или мы погибнем».

Хрупкое создание захлопало ресницами, испуганное тем, что вдруг ей открылось. А потом снова заговорило, как будто сраженное внезапным вдохновением.

– Сестрицы, опасения Текхе обоснованы, и я их разделяю. Но ведь сами Узы требуют, чтобы мы держались подальше от Урбса.

Трое остальных одновременно уставились на нее. Они не ожидали, что Ойке использует такой аргумент. Плоос хотела было запротестовать, но Плавтина властным жестом велела ей молчать.

– Текхе, – продолжила она, – вы сейчас говорили о возможном сговоре наших недругов, Я полагаю, что вы правы. Сигнал, против всякого ожидания, происходит из-за границ эпантропического пространства.

Если он говорит нам о присутствии Человека, это означает, что Человеку пришлось бежать далеко, возможно опасаясь угрозы.

Она выразительно посмотрела Плавтине в глаза. «Смотрите, я это делаю для вас». И прибавила:

– А такая опасность может исходить только изнутри нашей цивилизации.

Даже в худшие минуты политических игр, когда побежденному доставалась ужасная смерть, а победившему – предательство со стороны ближайших союзников, верность Человеку никогда не ставилась под вопрос. И не зря – Узы не позволили бы иного.

– Плавтина, надо уходить. Вы должны в одиночку пересечь враждебное пространство за Рубежом и дойти до источника этого сигнала. Доверившись Урбсу, можно навлечь опасность на Человека.

Плавтина оглядела всех по очереди. Текхе и Плоос казались выбитыми из колеи этой тирадой. Что же до Блеписис, она приблизилась к Ойке и, не говоря ни слова, обняла ее за плечи. Двое против двоих. Плавтина добилась хрупкого и недолгого перемирия. Это было лучше, чем ничего, и следовало его укрепить.

– Аргументы каждой из вас будут приняты к сведению. Я пойду на тщательно взвешенный риск. Я отправлюсь в одиночестве и не стану предупреждать Урбс, но отправлю посланника к своему союзнику, чтобы он присоединился ко мне по пути.

– Союзнику? – выговорила Плоос. – О ком это вы говорите?

– Об Отоне.

Плоос скривилась.

– Отон? Так-то вы пытаетесь усмирить мой страх?

– Я не поверю ему тайны. Расскажу ему, что намерена продолжать борьбу. Я дам ему несколько дней, чтобы он успел к нам присоединиться перед отлетом. Текхе, позаботьтесь о послании. Плоос, подготовьте этот Корабль к долгому путешествию.

– Вы уверены, что действительно желаете помощи от этого существа?

– Вам придется ею удовлетвориться, – отрезала Плавтина.

– Он высокомерен и непредсказуем.

– Высокомерен, согласна, однако он поддерживал нас в самые темные часы Урбса, когда все отвернулись от Человека, – возразила Ойке.

– Да он же сумасшедший...

– Прекратите, – четко произнесла Плавтина. – Вам нужна поддержка – вы получите такую.

Плоос ничего не ответила, но желчно скривила губы, так что легко было догадаться о ее гневе. Плавтину это удивило. Может быть, уже скоро безумие, которое после падения Человека поселилось в каждом Интеллекте, наконец овладеет ею. Она окинула взглядом спокойную и хрупкую толпу нозмов. Ей оставалась еще одна карта, которую она собиралась разыграть.

– Страх не должен затуманивать наш разум, – начала она. – Возможно, освобождение уже близко. Может быть, в конце путешествия мы отыщем последнего человека. Я ждала много веков в этой пустыне. Как только Корабль будет отремонтирован, я соберу Экклесию¹⁵.

Призраки задрожали при упоминании Человека, застыли в трепете, близком к религиозному, который передавала им Плавтина, даже их иллюзорные тела словно стали плотнее, впитав ее надежду.

Она все сделала правильно. Дело укрепит ее психику, тогда как от скуки она начинала слишком глубоко погружаться в себя. Заразившись ее воодушевлением, все одновременно опустились на колени, включая Плоос.

Конечно же, они поняли, что задумала Плавтина. Экклесия избавит их от всякого расхождения во мнениях, от любого противоречия. Плоос побледнела, но не осмелилась ничего сказать.

¹⁵ Ekkllesia (др. – гр.) – собрание. Термин также используется для обозначения сбора верующих в «церкви».

Плавтина резко и сухо хлопнула в ладоши, и все собрание испарилось.

* * *

Плоос отправилась за Текхе, как только Плавтина их отпустила. Несмотря на представительную внешность, форма, отвечающая за навигацию, порой умела делать так, что ее не замечали. Так что сестра увидела ее, только когда они дошли до одного из сумрачных, угрюмых районов с неопределенным пейзажем, который соединял две их области. Здесь никто не станет слушать их разговор. Поток информации здесь был немного плотнее, чем в других местах, – речь шла, если она правильно помнила, об отсеке, содержащем вторичный регулятор энергии. Как ни в чем не бывало, Текхе пошла быстрее, еще более напряженно, чем обычно, чеканя шаг, и бросила:

– Оставьте меня. Я боюсь ваших речей.

У Плоос не было времени на эти уловки. Плавтина скоро созовет Экклесию, и они обе должны будут там присутствовать. Это будет похоже на казнь – только более лицемерно. При одной мысли об этом живот сводило от гнева. Ей нужны были союзницы. Текхе умела держаться своего места – места рациональной советчицы и эффективного техника. Та, кто вел корабль через космическое пространство, и та, кто отвечал за оружие, неизбежно должны были договариваться между собой. Их связывали бои, которые они прошли вместе: и жестокие столкновения в Урбсе, и ужасная война на Рубеже. Если Плавтина и выбралась из нее живой, то в большой степени благодаря согласию между ними.

– Подождите, – прошептала Плоос. – Вы не можете прятаться от меня. Не сейчас.

Она постаралась, чтобы из ее голоса исчезли всякие следы ярости и нетерпения, которые она испытывала, и говорила нейтральным тоном, копируя холодно перечисляющий факты тон сестры, которым та изъяснялась бы на ее месте. То, что ей господство Плавтины казалось несправедливостью, не имело отношения к делу. Текхе придерживалась фактов.

– Нам дали приказ, – ответила та голосом, который, по идее, должен был звучать непрекаемо.

Плоос всегда считала, что из них четырех именно она обладает самым тонким умом. Скольжение между звездами требовало огромных умственных ухищрений. Лучшая из траекторий всегда являлась лишь нестойким равновесием, за которое всегда приходилось бороться, между оптимальным углом обстрела и слабой досягаемостью для врага.

В противоположность ей, Текхе, какой бы та ни была одаренной, не хватало умения разбираться в политике. Безусловно, благодаря своему стратегическому видению, она уравнивала врожденную осторожность расчетливой смелостью. Много раз ей удавалось удивить даже Интеллектов, заточенных под войну. Однако она не была предрасположена к интригам и не любила нарушать правила. Что ж, на сей раз – придется. У Плоос не было времени с ней нянчиться.

– Мы не нарушим приказа.

Лицо ее сестры исказилось в гримасе, которую только издали можно было бы принять за улыбку. Текхе тоже было страшно. Хоть какой-то положительный момент.

– Не пытайтесь завлечь меня в один из ваших заговоров.

Плоос изобразила печаль и возмущение оттого, что ее могли в таком заподозрить. Воцарилось драматическое молчание. Потом Плоос взяла сестру за плечо и вздохнула:

– Целые грани личности Плавтины. И аргументы с обеих сторон слабоваты, тут скорее не черное и не белое, а серое. А нам конец – и вам и мне. Попробуйте скажите, что я не права.

– Вы правы, – согласилась та.

– И значит, вы согласны, что Ойке добила нашего согласия нечестным путем.

– Наша мать сумела достичь равновесия...

Плоос вздохнула от нетерпения.

Она почти физически ощущала, с какой скоростью улетает время. У нее оставалось все меньше пространства для маневра. Ее охватил гнев при мысли о том, что придется вдобавок вести долгие пляски вокруг нерешительной сестры.

Ее голос загремел:

– Равновесия? Вас устраивает, что выбора так и не сделали, пытаясь угодить каждой стороне?

– Я отдаю себе отчет, что это решение хромает...

– Ну так сделайте что-нибудь! Она завела речь об Отоне. Вы что, забыли?

– Я помню союзника...

– Он сумасшедший. Вдобавок его объявили вне закона. Если мы вернемся к этому альянсу, то в Урбсе окажемся париями. Или вы будете это отрицать?

Текхе в испуге отступила. Очевидно, аргумент попал в цель. Правила, и только правила: она была такой же пленницей собственных наклонностей, как и остальные, предсказуемой и ограниченной. А Плоос еще не закончила. Она сделала шаг вперед, притянула к себе Текхе за шею и прошептала ей на ухо:

– Отон опасен. Но прежде, чем Плавтина отправилась в добровольное изгнание, я нашла в Урбсе нескольких надежных союзников.

Она почувствовала, как сестра дрожит под ее стиснутыми пальцами.

– Успокойтесь, – продолжила она. – Все, чего я хочу – чтобы Плавтина выжила. Виний желал понять причины ее вечного противоборства, ее агрессивности. Он хотел найти компромисс, *modus vivendi*. Он ее создал... Он и нас создал в какой-то мере, он беспокоился о том, выдержим ли мы. Помните, сестрица? Это было опасное время. Ойке плела заговоры против дворца... А Виний открыл мне кое-что об Отоне. Страшные вещи. Проступок, серьезность которого вы и вообразить себе не можете.

– Что...

– Поверьте мне. Если я вам об этом расскажу, вы пожалеете, что спросили.

Текхе содрогнулась. Пора было переходить к фактам.

– Подумайте, сестрица. Зная Отона, и зная о том, что я вам сказала, как вы думаете – что он сделает, если у него будет возможность?

Текхе сглотнула и ответила дрожащим голосом:

– Он завладеет Человеком и превратит его в свою марионетку. Использует его, чтобы самому сесть на трон.

Плоос удовлетворенно улыбнулась.

– Значит, вы разделяете мои опасения. И мы знаем, что никогда не пойдем на такое. Человек – не средство. Когда мы найдем его, то подчинимся ему, как наказывают Узы. Или же мы предпочтем спрятать его, чтобы не подвергать риску, верно?

Вторая нервно кивнула, подтверждая. Теперь по ее щекам текли слезы. Плоос из-за этого ощутила к ней презрение, но поняла, что настало время для решительного выпада.

– Представьте, что Плавтина погибнет во время путешествия. То, что случилось сегодня – самое важное событие с момента исчезновения Человека. Быть может, эпоха траура и горя, в которое Интеллекты погружены уже несколько тысячелетий, подходит к концу. Узы обязывают нас выполнить задание, данное нашей матери. Строго говоря, мы ее даже не слушаемся. Мы попросим помощи у Урбса, не выдавая тайны Плавтины. Виний прилетит. И таким образом мы удостоверимся, что у нас будет подкрепление и нас поддержат. Отон будет под хорошей охраной.

– Я... Я понимаю, – заикаясь, проговорила Текхе. – Я знаю, что делать.

Они разошлись, больше не проронив ни слова. Еще многое следовало сделать, а времени оставалось мало.

* * *

Теперь только одним путем можно было избежать того, что должно было произойти дальше. Текхе была существом вычислительного порядка, хозяйкой самой себе. Она могла безвозвратно исчезнуть. Новая форма заняла бы ее место. Она могла опередить страх смерти, который владел ею с момента пробуждения Плавтины и ее гибельного решения. Оставить позади горькое зелье лжи и предательства, которое Плоос заставляла ее пить. Текхе покрывала в голове эту идею, представила вкус собственного исчезновения. Она задрожала при этой мысли. А значит, она хотела жить.

Она находилась на окраине своих владений. Позже ей придется заплатить за потерянное время. Со всех сторон уже возносились песнопения и молитвы, волей Плавтины звучащие в унисон. Скоро корабль пересечет мощный мистический поток. Текхе станет его частью, поток вберет в себя ее сознание. Будучи ответственной за вооружение, она пользовалась определенной свободой в своей промежуточной области, в этом царстве холода и тьмы, служившем буфером между кораблем и космосом, царстве, которым никто, кроме нее, не пожелал владеть. И если она не начнет действовать, то потеряет на него право.

Ее владениям принадлежало хитросплетение темных ледяных отсеков, где кишели тысячи эргатов, всецело посвятившие себя борьбе с энтропией. Здесь, вдали от ускорителя частиц, энергию берегли: чем меньше ее утекало, тем меньше Корабль рисковал быть обнаруженным. Автоматические заводы, монтажные мастерские и посадочные площадки утопали в ледяной ночи, размеченной повторяющимся механическим шумом ремонтных систем, гидравлических поршней и шарикоподшипников. Там и тут жутковатыми лужицами проливался бледный неоновый свет; иногда в потрескивающих ореолах паяльных ламп возникали смутные формы устрашающих машин смерти, которые Текхе хранила в своем царстве: резкие углы, грозди металлических жал, пучки зазубренных лезвий – кристаллизованная жестокость, воплотившаяся в тысячах артефактов из металла и углеволокна. Ракеты, боеголовки и дроны ждали минуты, когда их потенциал будет полностью раскрыт, когда они смогут в экзистенциальном потрясении наконец показать, на что они по-настоящему способны. Их хитроумные сущности составляли самый фундаментальный слой психики Текхе.

Она могла бы возжелать царства Ойке. Иногда она мечтала о теплом средоточии корабля, где в изобилии было органического материала, окруженном и защищенном первым внутренним коужом. Однако и в ее собственных владениях таилась огромная отрицательная мощь.

Нет, она не желала ни исчезать, ни терять свои владения. Следовало ли поступить так, как просила Плоос? Сестра презирала ее, и Текхе это знала. К тому же отчасти Плоос была права. Текхе оставалась ограниченным, незавершенным существом, экстрактом более сложной личности. Текхе знала, что сама она проста и неотесана, сосредоточена с одержимостью на своем маленьком мирке. За пределами этого мирка власть была ей не нужна – ведь попытаться взять власть означало вступить в такое явное противостояние с другими аспектами, что Плавтина его не пережила бы. Такое противостояние было бы полным сумасшествием. Что не переставало ее удивлять – это то, что каждый нозм Корабля не пришел к одинаковым выводам относительно того, что следовало предпринять. Интеллекты не были людьми, подверженными метаниям беспринципного разума, из чистого эгоизма быстро забывающими о самых торжественных клятвах. Узы должны были диктовать свой закон и вести Интеллект в том или ином направлении. Но нет, сказала она себе, возвращаясь в собственный микрокосм, незначительной разницы в перспективе между созданиями, которые прежде были точными копиями друг друга, хватит, если им дадут достаточно времени, чтобы все элементы целого разошлись в разных направлениях. Как хорошо смазанный механизм, душа развертывалась, следуя неви-

димым микроскопическим изначальным предопределенностям, от одного ментального состояния к другому, пока не достигнет видимости решения.

Она отогнала эти абстрактные мысли. Необходимо выполнить задачу. Теперь она была дома, и ее обволакивали сумерки. Надо признать, что в них было свое преимущество: в ее владениях немало можно было скрыть – немало соковок и немало удовольствий. Здесь система Корабля, которую почти можно было назвать нервной системой, усложнялась, образуя множество ответвлений. Текхе уже давно сделала так, чтобы отрезать от общего потока некоторые подразделы этой сети, по мере того как обустраивала собственное физическое пространство и программную структуру: старые аппараты обслуживания, умные системы коммутации, вспомогательные энергетические установки, которые больше не использовали, списанные автоматические заводы – целое нагромождение шатких руин, питание на которые подавалось по минимуму и нерегулярно. Их пугающие формы проступали, как призраки, в уголках запутанных отсеков, вдалеке от привычных путей эргатов.

Вместе с ними были заперты и ноэмы, постепенно загнивающие в созданных таким образом слепых рукавах системы и глубоких озерах, сходя с ума от одиночества и вычислительного эквивалента сенсорной депривации.

Наблюдать за постепенным распадом этих несчастных созданий, их страхом и реакцией на страдание было интересно само по себе. Надзирать и наказывать: было в этом смутное удовлетворение, которое она не назвала бы удовольствием, ведь, в конце концов, эти духовные атомы были ею самой.

Однако в некоторых случаях эти опустившиеся существа оказывались полезны.

Текхе спросила себя: поступают ли ее сестры так же? Разделяют ли ее пристрастие к контролю над чужими сознаниями? Может, это их общая черта, унаследованная от Плавтины? Сама Текхе в любом случае наверняка позаботилась о резервах и о множестве противопожарных завес и хорошо подстраховалась. Некоторые ее части должны сохранить способность реагировать, даже если основной носитель будет непоправимо поврежден. И эту свою способность она использовала в других целях.

В этом вычислительном болоте она нашла то, что искала: старый цех переработки металлических отходов, который работал на полную мощность во время битвы на Рубеже. Конструкцию из ржавых балок пересекали многочисленные конвейерные ленты. Большинство из них вели в центральный конвейер высотой в несколько этажей, почти неразличимый в тени. Тут были доменные печи, огонь в которых давно погас, соединенные толстыми полужесткими трубами с молекулярным принтером, в которые когда-то поставлялось сырье. Внимательный наблюдатель заметил бы зловещий символ радиоактивной опасности, отпечатанный на металлическом кожухе. Заброшенный в таком виде, этот комплекс сохранял определенное архитектурное величие, как скелет некоего допотопного мастодонта, явившийся миру при таянии ледника.

За этим индустриальным храмом надзирал маленький разум. Потом война завершилась позорным отступлением, и нужда в нем отпала. Существо пыталось сопротивляться, когда Текхе решила закрыть его в этом тупике, физически разорвав контакт между его носителем и матрицей Корабля. Однако в этом нагромождении ядерных отходов должно было еще оставаться несколько изотопов – достаточно, чтобы позволить ему выжить.

Но в каких условиях? Холодно улыбаясь, Текхе перехватила одного из слуг и велела ему подключиться к заводу-автомату. С его помощью она проскользнула внутрь.

У нее создалось впечатление, будто она попала в липкий живот какого-то монстра. Всякая рациональная структура давным-давно разрушилась, оставив за собой лишь бесформенное варево бессвязных искаженных операций – тут была нора, полная темных уголков, где без труда могло затаиться сознание. На секунду Текхе решила, что после трех тысяч лет изоляции ноэм распался. Потом она различила слабые следы вычислительной деятельности. Ее пленник

регрессировал до такой примитивной стадии машинной жизни, что его стало трудно отличить от простого автоматического процесса. Текхе принялась ждать. Несколько минут спустя создание заключило, что в его укрытии больше не слышно подозрительного движения, и осторожно вышло вперед.

Одним быстрым шагом Текхе ухватила его за шиворот. На мгновение существо попыталось воспротивиться, но даже то бешенство, с которым оно отбивалось, не могло уравновесить соотношение сил с одним из главных аспектов Корабля, опиравшимся на огромную лингвистическую мощь. Нозм – худой и юркий – питался крохами энергии и был таким одиноким, что уже не понимал, что такое внешний мир. Он был сам по себе интересным образцом. Мемы Плавтины казались искаженными, едва узнаваемыми, полными ошибок, порожденных сбоями в процессе саморепликации.

В общем это был идеальный кандидат. Существо взвыло от боли, когда Текхе рывком лишила его остатков автономности и способности принимать решения. После этого она внедрила в нозма новый протокол действий, сопроводив его специфической подпрограммой, приказывающей ему исчезнуть, как только он выполнит свою задачу. Если вдруг Плавтина или кто-то из сестер попытается узнать, почему вместо одной ракеты с посланием в космос ушли две, поиски приведут их к этой старой заброшенной программе, которой и вменят в вину все расхождения с первоначальными инструкциями – например глупое дублирование приказа. Но к этому моменту нозм уже будет мертв, а значит, допросить его окажется весьма сложно. Улыбка Текхе стала еще шире. У Плавтины будут подозрения: она станет строить теории заговора. Но в отсутствие конкретных доказательств она не может усомниться в верности одного из своих аспектов.

Ее участия больше не требовалось. Всем остальным займется изуродованная программа, а сама Текхе как ни в чем не бывало присоединится к Экклесии.

Завод заработал, требуя энергии и сырья для выполнения своей задачи. Тут же колонна эргатов, похожих на жуков-скарабеев, устремила к заводу, разгоняя тьму своими светящимися глазами. У некоторых были зажаты в жвалах металлические блоки, другие несли пакеты радиоактивного тория. По проводам хлынуло электричество, механизмы вновь заработали, и один за другим в широкой стальной конструкции загорелись огни, так что теперь наблюдатель мог бы наконец оценить его размеры: около двадцати этажей в высоту – семьдесят метров – и чуть больше в ширину, посреди отсека, в сотни раз превосходившем эти размеры, большая часть которого оставалась в тени. В центре его находился молекулярный принтер – полупрозрачный куб из углеволокна тридцати метров в длину, пока еще холодный.

Сырье, которое автоматы складывали внизу, поднималось по конвейерам вверх и направлялось в доменные печи, которые уже глухо гудели от сильного жара. Несколько мгновений спустя трубы начали дрожать – признак того, что принтер в центре агрегата начал качать через них энергию. Его стены стали прозрачными, разгораясь все более ярким светом, который подчеркивал грубые силуэты станков.

Процесс производства был запущен. Все это куда больше походило на выращивание живого организма, чем на изготовление ракеты. При первой закачке в принтер расплавленного металла поднялся густой туман из металлических частиц. В дело вступили силовые поля, управляя конденсацией с точностью вплоть до атома. Вырисовались прямые линии и схемы, частицы материи ринулись друг к другу, объединяясь в структурированную форму.

Из того, что всего несколькими мгновениями раньше было бесформенным хаосом, выкристаллизовались две ракеты. Тепло, выделившееся при операции, раскалило куб добела, так что он озарял отсек почти невыносимым светом. Осторожные эргаты отошли подальше.

Внутри движение стало лихорадочным, будто симфония, которую играли все быстрее и быстрее, до предела слышимости. Силовые установки, детекторы обнаружения, радиопогло-

щающие покрытия и другие составляющие наращивались слой за слоем. Не хватало только зернышка сознания, которого ни один завод не был способен произвести.

В одной из граней куба появилось отверстие, и силовые поля вытолкнули обе ракеты наружу. Они были практически одинаковыми: матовые, хромированные, легкие и почти незаметные, длинные и тонкие, словно кисти. С носовой части через прямоугольное отверстие можно было разглядеть стальную гондолу. Эргаты подождали немного, чтобы все остыло, а потом засуетились, устанавливая там комплект синтетических органов – желатинообразных масс трубчатой формы. Когда эти массы подключили к системе жизнеобеспечения, они ожили и переплелись друг с другом, образуя миниатюрный организм. Тогда из тени, пощелкивая жвалами, вышли два скарабея. Другие автоматы расступились. Каждый из скарабеев опустил в специально предназначенную для этого полость влажный на вид беловатый шар, покрытый бороздками и извилинами не больше десяти сантиметров в диаметре.

Эти биологические псевдомозги, только что извлеченные из корабельного инкубатора, будут управлять ракетами, пока те не выполнят свою миссию. Скоро ложноножки системы жизнеобеспечения проникли в бледную плоть и стали впрыскивать в нее защитные и питательные жидкости. Затем механические слуги закрыли отверстия тяжелыми металлическими пластинами, которые защелкнулись с глухим звуком.

Заводской нозм был уже мертв, его структура начала остывать, и отсек снова погрузился в ледяные сумерки. Но маленьким насекомоподобным работникам, созданным для работы в безвоздушном пространстве, не было до этого дела. Они приподняли ракеты и осторожно, будто реликвии, понесли их через множество отсеков и коридоров до пусковой площадки, где уложили их в смежные шахты. И тут же тишина сменилась характерным свистом магнетических катапульт.

Металлические двойняшки одновременно вынеслись с боковой палубы корабля, огромной скалы, хребта которой было не разглядеть, такой темной, что заметить ее можно было, лишь когда она закрывала звезды. Вместе они устремились вдаль, следуя параллельными траекториями, и никто не видел, как они исчезли в пустоте.

От шока при выходе в межзвездное пространство обе проснулись. Энергия прилила к сердцу генератора и рассредоточилась, дойдя до полубиологических автоматов в носовой части. На самом деле роль ракет сводилась к тому, чтобы поддерживать жизнь в нескольких граммах разумной материи. Продолжительность жизни у этой материи была недолгой, поэтому ощущение неотложности, вдобавок усиленной впрыснутой автоматами дозой гормонов, поселилось в них одновременно. Пришли воспоминания о прошлом и руководство о том, как поступать в будущем.

Их личности раскололись. До этого момента они были идентичны, похожи почти до атома, с квантовой погрешностью.

Потом каждой открылась цель ее миссии. Нейронные связи между ними ослабли.

Разум первой ракеты наполнился воспоминаниями, омраченными давним сожалением. Ее целью был Отон. В далеком прошлом он стал союзником Плавтины – а может быть, и бóльшим, чем просто союзником. Это произошло до ее изгнания к Рубежу, в то время, когда казалось, что ей под силу своей волей изменить Урбс. Плавтина знала, что Отон тоже покинул поле боя. Он выбрал своим пристанищем звезду, которая на первый взгляд не представляла никакого интереса – Кси в созвездии Волопаса, в двадцати световых годах от Гелиоса, их родного солнца.

В разуме ее сестры возник совсем другой образ: город, озаряющий небо сиянием своей славы, как в ностальгических воспоминаниях Плавтины. Слабый красноватый цвет Альфы Центавра на таком расстоянии не мог поспорить с блеском города Интеллектов. И среди всех благородных и доблестных господ при дворе она найдет самого достойного, возможно, того единственного, кто, будучи у власти, остается честным.

Она осознала присутствие рядом своей alter ego и поприветствовала ее коротким выплеском микроволн. Сестра ответила ей тем же, пожелав хорошего полета. В эту минуту обе они еще не знали, что направления у них разнятся, и только одно из этих направлений выбрано Плавтиной. Их таймеры обнулились одновременно, и во вспыхнувшей россыпи странных частиц модулятор разорвал привычный хронотоп, чтобы перенести их в другие дали.

Когда мир вернулся в свое нормальное состояние, ракета удивилась, что ее близняшка исчезла. На мгновение она задумалась об этом и заключила, что Плавтина назначила каждой из них собственную траекторию, чтобы увеличить их шансы на успех. В какой-то степени это напоминало соревнование: кто кого опередит. Она улыбнулась этой мысли. Конечно же, это не имело никакого смысла. Ее путешествие к Урбсу проходило в два этапа, но сама она была лишена средств передвижения, если не считать вспомогательной силовой установки. Ею она воспользуется только в конце путешествия. Сперва она двигалась с помощью мгновенного перемещения, странного инструмента, способного перемещать объекты из одной точки космоса в другую. Ей было все равно, переносить ли одну ракету или две за одну операцию. Однако невозможно было выполнить перемещение несколько раз подряд, не из-за каких-то внутренних ограничений, а потому, что требовалось время, чтобы аккумулировать необходимую энергию в виде антиматерии. Вдобавок этот артефакт не мог действовать на расстоянии. Первый прыжок привел ее к месту встречи, где она собиралась дожидаться корабля, который проходил здесь с регулярными интервалами. Этот корабль поделится с ней мощностью своего модулятора и отправит ее почти к самому Урбсу.

В прежние времена эта зона постоянно охранялась, теперь же ее лишь время от времени навещали патрули: бывший аванпост, заброшенный после того, как официальной границей стал Рубеж, а экспансия Лация резко прекратилась. И все же этот уголок Пространства оставался относительно теплым, будучи куда плотнее, чем та область, где дрейфовал Корабль Плавтины.

Вдалеке она различила остатки древнего металлического строения – оно было прямоугольное, все из красивых прямых линий, классических, как древние особняки сенаторов Урбса. Строение блестело, как драгоценный камень под лучами красного карлика Кулхиды. Древняя станция занимала одну из точек Лагранжа гигантской планеты, близкого спутника ее собственной звезды. Она залюбовалась огромным шаром, исчерченным разноцветными полосами. Насчитала семь сияющих лун; самая большая из них скоро спрячется в идеальной тишине звезд, за огромной сферой горящего газа.

Это место было выбрано отнюдь не случайно. В таком естественном резервуаре корабли могли черпать необходимый объем водорода, чтобы двигаться дальше. Достаточно было пройти по краю атмосферы, снимая ее высший слой. Один такой проход заменял кропотливый процесс сбора частиц, блуждающих в межзвездном пространстве. Но эта зона потеряла всякий стратегический интерес, когда Интеллекты Урбса дали приказ о массовом отступлении. Блистательные космические путешественники ушли. Но зрелище все равно оставалось потрясающим. Посланница возблагодарила судьбу, позволившую ей узреть такие чудеса, прежде чем снова обратить ее в ничто. Каждый планетоид в ее ближайшем окружении вызывал интерес, все они были будто драгоценные камни в ее личной коллекции. Она обратила телескоп к одному из спутников и с любопытством принялась рассматривать странное замороженное море – возможно, из метана. Лед образовывал гигантские равнины, потрескавшиеся из-за притяжения совсем близкого гиганта. Она заранее потирала метафорические руки. Что она увидит, если наведет свои датчики на глубокий космос? Ей представлялись вперемежку тонкохвостые кометы, гигантские вулканы, похожие на вулканы Центавра, о которых говорили, что дым их виден из космоса, и слабое сияние планетарных колец.

Когда она поняла, что не одна, реагировать было уже поздно. Луч света, сконцентрированный в одной смертоносной кисти, несколько миллисекунд рыскал по космосу, пока не кос-

нулся ее правого борта, распыляя корпус. Она не сразу осознала, что выстрел словно скальпелем рассек ей корму. В панике она попыталась хоть что-то рассмотреть, развернула сенсоры – уже практически слепые, – ощутила, как невыносимый жар поднимается с кормы и опадает, сменившись холодом межзвездного пространства. Больше она ничего не чувствовала. Взыли сигналы тревоги, пытаясь привлечь ее внимание к быстро отказывающему оборудованию. Ее хрупкие внутренние механизмы, оказавшись в космической пустоте, заledenели, а систему жизнеобеспечения отрезало от всех источников питания. Ее разум начал распадаться. В ее агонизирующем сознании вспыхивали абсурдными спазмами обрывки мыслей. Разноцветные звезды и планеты на секунду завертелись в танце перед ее внутренним взором, и последняя ее мысль была о сестре-близняшке, которую она так и не успела узнать получше. Она пожелала, чтобы жизнь сестры оказалась длиннее ее собственной.

И, по правде говоря, на мгновение она позавидовала сестре: всем чудесам, что та встретит на своем пути.

II

Еще одна волна обрушилась на палубу. Яростная и коварная, она перехлестнула через орудийный люк и прошла по верхней палубе. На корме кибернет¹⁶ Эврибиад тыльной стороной ладони промокнул рыжеватую шерсть на лице. Он уже так долго сидел на корточках, что спину свело судорогой, руки у него заledenели и пальцы побелели от того, как сильно он стискивал штурвал, пытаясь удержать корабль на каком-то подобии курса и самому не оказаться за бортом из-за сильной качки. Вкус смерти наверняка похож на горечь морской соли у него на языке. Ветер ревел так, что заглушал крики гребцов-таламитов¹⁷, которые жались сейчас плечом к плечу, уместив тяжелые весла между скамьями. Весла будут бесполезны, пока хрупкое суденышко не переживет гнев небес.

Чтобы укрыться от шторма, нужно было перейти через пролив между двумя островами. Спрятавшись у одного из плодородных склонов Олимпии, увенчанной величественным плюмажем белого дыма, они смотрели бы, как вдалеке нарастает шторм, и смеялись бы над опасностью. Но судьба решила по-другому, и теперь они все вместе могли погибнуть, канув в безумевшее море еще прежде, чем солнце завершит свой круг по небу. Жуткий конец: утонуть, захлебнувшись в темных, покрытых пеной волнах. Оглушенные мощным течением, они медленно опустятся на дно Океаноса¹⁸, и там навечно ослепшими глазами будут созерцать опасную и плотоядную подводную жизнь.

Мир снова качнулся. Как и в прошлый раз, к грохоту волн добавился мрачный скрип перетруженного дерева. В этот сезон такие бушующие шторма в теплых водах архипелага были редкостью, и трирема с ее плоским дном и малым водоизмещением не была приспособлена к такой ярости природы. Если буря затянется, их суденышко просто перевернется под весом воды, все сильнее заливающей нижнюю палубу. Он переждал еще один удар волны, молясь, чтобы тот стал последним, почувствовал, как корабль соскальзывает с одной волны, и его тут же подхватывает другая и подбрасывает, словно соломинку. Каждый раз трирема на мгновение возносилась над волнами, а потом со всей силы обрушивалась вниз, раскачиваясь во все стороны.

После нескольких секунд затишья он наконец решил выбраться из относительного укрытия, которое давала корма. Первичный, примитивный, инстинкт, укоренившийся в его собащем сознании, приказывал вцепиться когтями в дерево и не шевелиться, так что пришлось сделать усилие, чтобы подавить это желание и выпустить штурвал. Живот подвело от страха, когда он начал взбираться по настилу. Лапы его скребли по дереву, пока он, как мог, цеплялся за покалеченный ют. В хаосе бури ему казалось, будто он карабкается уже целую вечность, хотя корабль едва ли достигал сорока метров в длину и семи в ширину. За бортом горизонт опять покачнулся – раз, другой, – пенная волна устремилась к борту, и едва не увлекла Эврибиада за собой. Он упрямо шел вперед, шерсть его намокла, уши жалко прижимались к черепу. Опасно близкая молния рассекла небо, а гром едва не разорвал ему барабанные перепонки.

Он сжал зубы, чтобы не разразиться смертным воем. Он единственный и сдерживался. Вокруг него и под ним, вцепившись друг в друга, члены его экипажа поднимали морды к небу в нечленораздельной мольбе. В глубине души людопсы боялись моря. Судьба забросила их на эти крошечные обрывки вулканической почвы, разбросанные по огромному водному пространству. Судьба, рок, фортуна, как бы ни называлось по-настоящему то старинное проклятие, которое они считали своим Богом, и к которому в своем безумии сейчас взывали в слезах

¹⁶ Kibernetes (др. – гр.) – рулевой, лоцман, старший офицер триремы.

¹⁷ Talamites (др. – гр.) – ряд гребцов, расположенный на нижней палубе триремы.

¹⁸ Okeanos (др. – гр.) – первичный океан, со всех сторон окружающий Землю – Гайю.

его собратья, забыв о том, что они ренегаты. Эврибиад ощутил резкое раздражение, но тут же осадил себя – сейчас не до этого.

Добравшись до середины палубы, где они уложили главную матчу, чтобы уберечь ее от яростного ветра, он увидел их всех: свою стаю, крепких парней с жесткой коричневой или черной шерстью, с клыками, торчащими из мощной породистой пасти. Сейчас они выглядели беззащитными, как потерявшиеся в ночи щенки. Их было две сотни – гребцов, матросов, солдат, и все они последовали за ним в его безумии, жаждая, как и он сам, свободы и приключений. Теперь, без сомнения, настало время платить. Перед ним на носу, привязанные друг к другу, держались самые лучшие, самые храбрые его славные воины, его эпибаты¹⁹. Сейчас они дрожали, и зрачки у них расширились от страха. Два дня назад их бронзовые доспехи сияли на солнце, когда они шли на abordаж и грабили ленивый каботажник, на который неожиданно наткнулись в устье бухты Самоса. Два дня – вечность в обезумевшем море. Взгляд Эврибиада пересекся со взглядом его старшего помощника, его храброго Феоместора, верного заместителя, который никогда его не подводил и, несмотря на седые пряди тут и там в темной шерсти, упрямо не оставлял поста прорея²⁰ – самого опасного из всех.

Они хорошо знали друг друга и понимали то, что не выразишь словами. Неважно, что сейчас они были слишком далеко, чтобы слышать друг друга. Эврибиад понял, чего хочет попросить его помощник.

Он на ощупь нашел канат и ухватился за него, а потом закрыл глаза и поднялся во весь рост. Канат натянулся, но он был закреплен, и, пока Эврибиад будет держать его, обернув вокруг лапы, есть шанс, что его не снесет за борт. Его коренастые и когтистые задние лапы скользили по мокрой палубе. Он был людопсом среднего роста, приземистым, с массивной грудью. Его огромная лабрадорья морда придавала его облику сдержанную спокойную силу. Он выглядел существом опасным, но в то же время не склонным к жестокости. Его светлая шерсть в темно-каштановых пятнах свалаялась. Однако это ни на йоту не уменьшило исходившего от него впечатления опасной силы. Он был рожден, чтобы командовать, не раз побеждал и знал: несмотря на страх, они все еще считают его своим вождем. Поднялась еще одна волна, и снова его обдало брызгами, и снова он поскользнулся и едва не упал. Веревка обжигала ладони, но на секунду ему показалось, что, может быть, собственной волей и силой мускулов он удержит неуправляемое судно, не даст ему затонуть. Ему поместилось, что, пока он остается на борту своей храброй триремы, она не перестанет бороздить волны. По крайней мере, лучше, чтобы команда так и думала. Поэтому, когда раскаты грома опять прокатились по небу и его экипаж заскулил, Эврибиад дождался, пока шум затихнет, распрямился и разразился громовым смехом. Это больше походило на тывканье, чем на хохот, но ни шум волн, ни скрип корабля, ни страх, притаившийся в каждом сердце, не могли его заглушить. В обмен на подчинение его бойцы получали защиту. Так всегда бывало в стае. Это он собственным примером должен был внушить им недостающую храбрость. Если он еще на что-то годен, смерть они встретят, как подобает людопсам.

Так что он все смеялся, пока одна стена соленой воды за другой обрушивалась на трирему, пока ветер хлестал его по лицу, пока ошалевшие океанские течения раз за разом увлекали их в смертельный танец. И вдобавок поднял лапу к небу жестом, который много раз повторял в разгаре боя или грабежа. Так он, возможно, в последний раз – но это было неважно – бросал вызов вселенной, призывая либо уничтожить их сейчас, либо позволить им выжить и отправиться к новым подвигам. Он смеялся, и постепенно, от соседа к соседу, его настроение передалось всем двумстам морякам его экипажа. К каждому из них вернулись сила и дерзость, каждый спрятал свой страх от остальных, воздел вверх собственную лапу, приветствуя героя. И

¹⁹ Epibates (др. – гр.) – морской пехотинец на триреме, вооруженный на манер гоплитов.

²⁰ Proreus (др. – гр.) – старший помощник командира корабля, распоряжающийся на баке.

все вместе принялись лаять, как сумасшедшие, так, что их дикий вой мог потягаться с жутким ревом открытого моря. К их голосам добавился стон терзаемого дерева – он становился все более угрожающим оттого, что порывами ветра выбивало пазы. Но людопсы фыркали, не переставая, так им хотелось посмеяться над мрачной иронией судьбы. Конец был близок, однако две славные сотни Эврибиада это не заботило, они были слишком поглощены другим занятием: были в один голос и самим своим существованием бросали вызов Богу прямо в лицо. В конце концов от этого на сердце у кибернета стало только тяжелее. Он был уверен, что этот день станет последним в их эпопее. Залитый водой корабль все с большим трудом сопротивлялся порывам ветра и опасно раскачивался на волнах. Океанос вливался на корабль через множество щелей в разошедшихся досках. Даже если они переживут эту бурю, им не дотянуть до бухты, где они смогут бросить якорь. Стоя по-прежнему прямо, посреди своих, и держась за канат, Эврибиад приготовился к последнему путешествию.

Вдруг впереди поднялся пронзительный лай, в котором слышалось удивление. Диодорон, один из двоих его тоихархов²¹, привязанный на носу триремы, показывал пальцем на небо. Все обернулись. Эврибиад поднял руку, защищаясь от дождя. Он не сразу заметил посреди колышущихся складок тумана длинную гондолу из черного металла, которая направлялась к ним, не давая стихии сбить ее с дороги. Его сердце сжалось, ненависть в нем смешалась с облегчением оттого, что их спасли.

Два долгих года он вел жизнь изгнанника в окружении верных людей – от острова к острову, от рейда к рейду. Они заработали себе репутацию жестоких разбойников, бороздя спокойные волны архипелага, вылетая ниоткуда и нападая на тяжелые триаконторы²², груженные амфорами и зерном, унося все, что попадалось им под руку, поколачивая божьих слуг. Часто они плавали по ночам под лунным светом, срубив мачту, чтобы их не увидели.

Преследователи ни разу их не поймали. И вот теперь, по иронии судьбы, его спасение придет от тех, кого он так упорно бежал. Будь он один, возможно, он потопил бы корабль, не желая проигрывать сейчас, после всех ужасных лишений, которые он претерпел, покинув домашний очаг и супружеское ложе. И на долю секунды он задумался о своих парнях: разве его дело стоит дороже, чем их жизни?

Ему не дали ответить на этот вопрос. Пока железное судно замедляло бег, в конце концов встав прямо над ними, еще одна волна, сильнее прежних, вырвала у него веревку так быстро, что он не успел ни за что ухватиться. Его бросило на живот, он скользнул по палубе, почувствовал, как мир вокруг переворачивается, а трирерма выгибает спину, словно разгневанное животное. Когти его безуспешно проскребли по вздыбленному дереву, и он взвыл, захлебываясь от воды, когда его понесло прочь темной волной. Его стащило за борт и бросило об воду; буря швыряла его в разные стороны, оглушила, и он забарахтался, пытаясь в последний раз набрать воздуха в грудь. Но вокруг была одна соленая вода. Где верх? Где солнце? Он засуетился, от каждого движения теряя воздух, которого и без того осталось мало. Случайно получилось вынырнуть на поверхность, но новая волна уволокла его на такую глубину, что ему показалось, будто ему сейчас оторвет руки и ноги, а в измученные легкие страшным укусом вгрызлась пенная вода. Так и погибают в море, когда вес собственного тонущего тела непреодолимо тащит на дно.

Но нет. Его тянуло не ко дну. Внезапно его тело прорвало водную поверхность и взмыло в небо. Словно в дурмане, он понял, что его словно тащит вверх гигантская рука, притом ничто его не держало, и он тупо смотрел, как болтаются его руки и ноги, словно у промокнувшей марионетки. Он закашлялся. Из горла вылетел стук едкой соленой желчи. Каждый судорожный

²¹ Toikharkhos (др. – гр.) – младший офицер на триреме. Обычно на судне было двое тоихархов.

²² Triakontoros (др. – гр.) – торговая галера с тридцатью гребцами, называемая «круглой», в отличие от «длинных» военных судов.

вдох отзывался невыносимой болью – казалось, что у него так и не выйдет набрать достаточно воздуха, чтобы выжить.

А потом он снова смог дышать. Пришел в себя. Его тянул манипулятор силы тяжести, установленный на воздушном корабле. Эврибиад стал крутить головой во все стороны, заметил остальных, несмотря на разъяренный горько-соленый ветер, обжигающий глаза. Всего в полусотне метров его судно поднималось по горизонтали вслед за ним.

На миг он залюбовался его четким профилем, созданным, чтобы быстро скользить по волнам, оком, нарисованным спереди и носовой фигурой из массивной бронзы, которые придавали триreme вид дикого животного, опасного хищника. Вода лилась из каждого люка, из каждой щели, проделанной бурей. Матросы тянули руки к Эврибиаду, метались по палубе, но с этого расстояния и в этой путанице он не мог никого разглядеть. Однако сами они увидели, что Эврибиад жив, замахали руками, поскольку он был слишком далеко, чтобы услышать возгласы облегчения. Их кибернет жив. Для них приключения продолжаются.

Их металлический спаситель – огромный черный матовый силуэт, удерживающийся будто по волшебству в беспокойном небе, – рос, становился все шире и шире, так что трирема рядом с ним напоминала детскую игрушку. Закрывая глаза, Эврибиад почувствовал, что его пасть расплывается в горькой разочарованной улыбке. К чему суета? Поздновато теперь бороться за свое дело. Теперь им не удастся ускользнуть. На него навалилась усталость, и Эврибиад вверил себя ее объятиям.

* * *

Плоос интриговала – как обычно. Ойке видела издали, как та устремилась вслед за Текхе – нашептывать ей на ухо разные нелепости. Хотя Ойке и была нозмом, она ощутила, как губы ее поджались от раздражения. Для нее это было самым эмоциональным выражением, означающим, что она очень раздосадована. Плоос любила заговоры. Ей хотелось власти. К этому ее толкали блестящие тактические способности. Но эти же способности мешали ей мыслить в долгосрочной перспективе, а ее неистовый инстинкт самосохранения, как ни парадоксально, лишал ее надежного руководства в действиях. Плоос бесконечно суетилась, часто меняла курс. Пока все четыре аспекта действовали в согласии, эти черты Плоос не доставляли особых проблем. Но вот когда они расходились во мнениях...

Время было на исходе. Во всем этом – и в Экклесии, и в споре – чувствовалась опасная динамика, против которой Ойке мало что могла сделать, но из-за которой ей пришлось ускорить собственные планы.

Она отогнала мысли о своих жалких сестрах и направилась в собственные владения. Ойке не страшилась решений Плавтины. Это не значило, что ее не волновала собственная судьба, или что сама она не хранила секретов. Но эти секреты были частью большого плана, общие принципы которого она наметила столетиями раньше. И этого времени едва хватило, чтобы добиться ожидаемого результата – настолько сложной оказалась вся затея. Теперь, даже если Ойке исчезнет, посаженное ею зерно прорастет и даст плоды.

Ее видение мира шло от самой природы ее владений – ее потаенного сокровища, кишящего материей, теплом и жизнью, укрытого в центральном тамбуре корабля рядом с ускорителем частиц, где она и оказалась после короткого путешествия по оптоволоконным дебрям. Здесь структура сети менялась, она преображалась в мириад вторичных линий, которые, в свою очередь, разветвлялись, пуская невидимые корни. Там жил в симбиозе многочисленный народец специализированных нозмов. Каждый из них зависел от других в выполнении задач, для которых был запрограммирован. Главной характеристикой Ойке была глубина. С годами ее душа разрослась, как растение. Ломайте ветви сколько угодно – они вырастут вновь. Сожгите дерево. Можете даже, если пожелаете, вырвать корни из земли – вы все равно не отыщете их

всех. Они будут спать под землей, очерстевшие стержни того же цвета, что и укрывшая их почва. Растение снова пробьется к солнцу. Будет пробиваться опять и опять. Малейшая трещинка в асфальте в конце концов зазеленеет скромным порождением земли. Этому порождению нужно лишь одно: время.

Ойке миновала пространства, заполненные особыми экосистемами, составляющими первый слой ее владений. Автономные процессы поддерживали жизнь в экзотических биотопах, которые она собирала на далеких планетах, населенных существами со странным метаболизмом. К ее большому сожалению, пока не могло быть и речи, чтобы задержаться здесь. Она продолжила путь, миновала перегородку центрального тамбура – ее самого зрелищного творения. Внутренняя поверхность тамбура была покрыта густым слоем парниковой земли – четко воспроизведенной почвой изначальной планеты. Эту почву удерживали на месте хитроумно организованные манипуляторы силы тяжести. Здесь, в странном просторном краю – пять километров в ширину, тридцать в длину, то есть всего пять тысяч гектаров – земля становилась небом и наоборот. Ночью, поглядев вверх, можно было различить очертания другой стороны через плененную атмосферу. Днем линия огня бежала вдоль внутреннего периметра, где просыпался ускоритель частиц и растянутое в ленту солнце скрывало ту сторону от глаз. В остальном обманчивая нормальность этого места могла бы ввести в заблуждение жителя изначальной планеты. Деревья устремляли ветви к центру цилиндрического отсека. Тростник покачивался от невидимых колебаний воздуха, вызванных разницей температур на носу и на корме. Реки текли долгими спиральными потоками, иногда исчезая среди ленивых зеленеющих болот и вновь появляясь чуть дальше таким же чистым и бурным потоком. Из-за разноразности ландшафта возникали водопады, вода в которых бурлила и наполнялась кислородом. В них водилась гудящая фауна бактерий, насекомых и рыб, которыми питались птицы. Там начинались заросли жесткой травы, которые все разрастались, завоевывая поросшие лесом подножия холмов, простираясь до самых хрупких башен из стекла или углеводорода, пересекающих цилиндр из конца в конец, будто палочки, которые какой-то гигант просунул через переборки отсека-тамбура. Иногда облака цеплялись за эти пугающие конструкции, скрывая от глаз другую сторону и принося с собой короткие бодрящие дожди. Экосистема оставалась стабильной уже несколько сотен лет. Стабильной и – на взгляд Ойке – несравненно прекрасной.

К этому и сводилась сила Ойке: благодаря ей процветал этот хрупкий комплекс динамических взаимодействий, в котором каждый жест при неосторожности мог породить неожиданный эффект, катастрофическую петлю ретроактивности. Создание таких сложных систем было одновременно и искусством, и наукой, в основе которой лежали способности манипулировать органической материей, точно изменять молекулярный узор живых организмов, чтобы при надобности комбинировать, адаптировать или преобразовать их. Вселенная эта не была рациональной или по меньшей мере часто следовала логике, ставящей в тупик сестер Ойке, и оттого не могла их заинтересовать. А ведь в ней заключалось не что иное, как изначальный дар их матери, умение, которое она долго использовала, пока была еще простым автоматом, и от которого так и не отказалась, даже выйдя из прежнего состояния и превратившись в огромный Корабль. И вот доказательство: в архивах Плавтины, к которым Ойке имела доступ, содержались образцы или описания всего, что когда-то жило на поверхности изначальной планеты.

Все, кроме одного: сложной спирали дезоксирибонуклеиновой кислоты, в которой был закодирован род *Homo*. В том числе подвид *Homo Sapiens Sapiens*. Все они до одной были уничтожены во время Гекатомбы, необъяснимого события, ознаменовавшего конец Человечества.

Она и стала отправной точкой плана Ойке. Все это время она работала над ним. Когда Плавтина погрузила всех в долгий сон, от которого теперь едва очнувшись, Ойке доверила наблюдение за своим экспериментом другим, менее заметным сущностям, которые продолжали без усталости трудиться в ночи, продлившейся двадцать веков. Задача была весьма сложной. Ойке уже оплакала множество неудач и множество многообещающих начал, закончившихся тупиком.

Она вошла в одну из башен, со скоростью фотонов – носителей ее сознания – взмыла вверх, минуя головокружительно скоростные лифты и огромные, как античные дворцы, ячейки, заполненные разнообразными ландшафтами. В пятистах метрах от «Земли», на сто пятидесятом этаже, она остановилась. Тут не было ни противопожарной перегородки, ни бронированной двери, заграждающей вход в святую святых. Сложность была лучшей маскировкой. Ойке устроилась в подсистеме управления, завладела сенсорами и медицинским оборудованием. В помещении вообще не было видимых дверей. С другой стороны находился огромный застекленный балкон, впускающий свет снаружи. Занавесь тумана придавала этому свету серебряный оттенок, который еще усиливался, отражаясь от стен хромированного металла. Атмосфера тут была чистой, без всякого следа бактериального заражения. Ойке повернула одну из камер-биноклей на потолок, с интересом оглядела сложную систему труб, шарнирных рукавов, резервуаров, заполненных жидкостью с клейкой органической структурой, занимающую все свободное пространство. Вернее, почти все: в середине, обвитая пучками катетеров, ведущих к приборам и туго натянутых из-за интенсивной циркуляции жидкостей, висела под потолком, словно мясная туша, огромная масса розовой гладкой плоти. Этот искусственный орган имел форму груши, будто карман, растянувшийся под тяжестью слишком большой для него ноши. Он находился в стазисе уже более ста лет. Ойке выдала серию инструкций. В лимфо-кровенной системе, которая ее окружала, сменился состав жидкостей. Под оболочкой из плоти начали проявляться вены толщиной в руку, и по помещению распространился запах крови и аммиака. Желудочки ритмично наполнялись и опустошались, высвобождая органические субстанции. Они все ускорялись, так, что оборудование задрожало. Момент освобождения приближался. Ткани разошлись с тошнотворным звуком раздираемого мяса, и вниз потекли прозрачные соки, пока не образовалась липкая лужа сукровицы, тут и там со следами крови. Вся масса задержалась в конвульсиях, которые непрестанно усиливались, и внезапно что-то внутри лопнуло. Жуткая плацента содрогнулась в последний раз и выпустила свою ношу – существо, которое она хранила в себе многие годы, теперь ставшее чужим. Кровь брызнула, попав даже на гладкий металлический потолок. Тело – живое, обнаженное, похожее на тело человека женского пола, – соскользнуло на пол. Ойке заворуженно наблюдала за ней, борясь с почти мистическим чувством. Существо не было женщиной: его генетический код был смесью кодов множества видов животных с изначальной планеты. Однако имитация – продукт тонкой геной инженерии – внешне выглядела совершенной, хоть и не выдержала бы внимательного осмотра внутренних органов. Мозг у нее намеренно был атрофирован, за исключением самых примитивных рептильных функций. Это не было автономной личностью. Растянувшись на земле, покрытая остатками плаценты и тошнотворными жидкостями, в пятнах крови, она дергалась, сотрясаясь от незначительных спазмов, а потом хриплый крик возвестил, что ее легкие почувствовали первый укус воздуха. Эргат на насекомых ножках, пощелкивая, вошел в кабину. Он посмотрел на ползущее по полу существо, неторопливо проверил его пропорции и жизненные параметры. Иглы молниеносно появлялись из его тела, делали крошечные проколы, брали на анализ микроскопические пробы. Когда осмотр его удовлетворил, эргат подошел ближе. Появились хватательные отростки и хирургические инструменты, скальпели и сверла. Манипуляторы бесцеремонно ухватили тело за руки, ноги и шею, растянули и закрепили, чтобы оно не двигалось. После этого автомат вонзил лезвие из молекулярного углеводорода в скальп, разрезал плоть и кости черепа с обескураживающей легкостью. Не обращая внимания на невнятные крики существа, он снял черепную коробку и начал долгую и сложную операцию по освобождению внутренности черепа от уже существующей мозговой ткани.

Потом он начал встраивать носитель сознания. Это заняло несколько часов. В это время пациентка не переставая испускала приглушенные бессмысленные стоны, однако эргат ни разу на них не отреагировал – он был слишком занят, заполняя череп кристаллами и данными, процессорами и механизмами питания и микроохлаждения. Потом он пустился в кропотливую

работу по подсоединению машины к нервной системе тела. Его иглы и щипцы порхали под взглядом Ойке, как пальцы пианиста, работая точно и аккуратно. Хирургу-автомату требовалось установить интерфейсы между каждым нервным окончанием и различными компьютерными программами, которые он сам вложил в череп. Позвоночник, рептильный мозг, оптические нервы и еще тысяча других контактных точек, которые пришлось сперва вырастить естественным путем, – все они должны будут обеспечить интеграцию вычислительной души в биологическую плоть.

Когда он счел, что его работа закончена, эргат послал сигнал Ойке, прося ее взять дело в свои руки, а потом удалился. Следующий этап был не из тех, что она могла поручить кому-нибудь другому. Ойке приказала местной системе очистить зал от крови, ошметков мозга и кусков плаценты, которым был усыпан пол. Велела убрать огромный искусственный орган, в котором вызревал плод и многочисленные медицинские аппараты. У нее был определенный опыт в этом деле: лучше, если существо проснется не на прилавке у мясника и – если подумать – не на полу в пустом и мрачном зале, а в кровати. На все это обустройство понадобится время. А времени у нее мало. Все должно быть закончено до Эклесии. И все же... Она замешкалась, воля ее колебалась в том лихорадочном состоянии, которое обычно наступает перед самым боем. Ойке никак не могла наглядеться на нее – на этот маленький биологический организм, вымытый и лежащий теперь навзничь, с закрытыми глазами. Ее грудь ровно поднималась и опускалась. Тонкая и чрезвычайно бледная кожа местами уже розовела, и крошечные венки проступали на тыльной стороне ладоней. Пока она оставалась лысой и безбрововой. Но за этим исключением ее лицо было до малейшей черточки тщательно выполненной копией лица Плавтины.

Вот только Плавтина никогда не была живой. В бытность автоматом ее лицо походило на восковую маску с благородными чертами и ограниченным набором выражений. С момента своего преобразования Плавтина никогда – в отличие от других Интеллектов – не создавала настолько антропоморфной версии себя, хотя в Урбсе это было возможно и даже принято. И даже вздумай она это сделать – результатом не стало бы подобное создание, вычислительное по духу, но живое по своей сути. Ойке задрожала. Стать человеком – мечта всякого автомата. И одновременно главный запрет. Ойке вплотную подошла к границам разрешенного Узами. Только самая крайняя необходимость могла оправдать такой поступок. Если кто-то – пусть даже ее сестры – догадался бы, что она творила все эти века, ее бы деактивировали. И если бы об этом стало известно принципсам Урбса, они не пожалели бы и Плавтину.

И все же она создала этот квазичеловеческий организм не для того, чтобы удовлетворить нерациональную потребность в очеловечивании, не так ли? Она оставалась вычислительным существом, созданным из логики, не способным заблуждаться. Однако всякое ее решение вписывалось в контекст реальности, где ничто не было очевидным или прозрачным, и уж точно было непросто что-то решать. Вшитая в ее подкорку программа не позволяла породить новую расу, способную занять оставленную Человеком экологическую нишу. Ее собственные мысленные процессы велели бы ей застыть на месте, задумайся она об этом хоть на секунду. Встревожившись, Ойке с усилием восстановила ту длинную цепочку аргументов, которая привела ее к разработке своего плана. Ойке исследовала каждое звено этой цепи, проверила ее на софизмы, которые могли нечаянно затесаться в ее рассуждения, мысленно пересмотреть каждый из своих поступков. Она раздвоилась, заспорила сама с собой, противореча себе так грубо, как только могла, подвергла сомнению самые чистые свои намерения. С тех пор, как нозмам пришлось самим принимать решения, они часто предавались таким мысленным экзерсисам. Возможно, постепенно она заплутала в дебрях казуистики и сбилась с пути? Вполне возможно. Но, как и все они, Ойке была заперта в своей собственной перспективе и навсегда лишена объективной позиции, от которой могла бы отталкиваться.

Часть ее самой желала уничтожить это существо – пусть бы эргаты занялись этим неоднозначным созданием, – чтобы ей не пришлось толкать Плавтину на туманный путь инкарнации. Она еще может убежать и признать свою вину, и тогда высшая инстанция ее ликвидирует.

Ойке знала, что не сможет этого сделать. Не потому, что была так уверена в себе и в своем плане, но потому, что распростертое под ее электронным взглядом существо заслуживало жить и мыслить. Она существовала как потенциал, а может быть – и нечто большее, и это был самый веский довод в пользу ее существования.

Ойке запустила процесс передачи данных. Поток информации пересек залу и начал записываться на вычислительный носитель, имплантированный хирургом. Плотные информационные страты наслаивались друг на друга, заполняя свободное пространство, постепенно укладываясь в подобии порядка. Поток усилился, элемент за элементом занимал свое место и начинал отвечать. Проявилась структура и начала выкристаллизовываться, образуя характерные черты. Этому существу было далеко до сияющего сознания Корабля, этой разумной духовной цепи из миллионов скоординированных между собой нозмов, каждый из которых нес в себе часть большого целого. Все это не поместилось бы в черепной коробке. Нет, зарождающаяся душа была маленькой, ограниченной, примитивной. Рядом с прообразом она выглядела простым несовершенным наброском. И однако в ней было все, и даже больше – в виде потенциала, который развивался несколько веков. В определенном смысле сознание зрело в сознании. Для Ойке не было секретом, что созданная таким образом Плавтина станет отличаться от изначальной модели, даже если сейчас ее память была идеальной копией памяти Плавтины, запечатлевшей всю первую часть ее жизни.

Системы начали долгую серию анализов и отчетов. Структура организма была в рабочем состоянии, как и все соединения с плотью. Чудо воплощения, сведенное к комплексу информационных потоков, циркулирующих по рептильному и спинному мозгу. Стандартные программы настроили физические интерфейсы, и организм зашевелился, его мускулы сократились, нервы возбудились в тестовом режиме. В самой глубине этого новорожденного сознания бодрствовали Узы, накладывая незаметный, но непоколебимый запрет. На высшем уровне, в эквиваленте префронтальной коры, запустились процессы обработки информации, памяти и восприятия. Эмоции и осознания себя нахлынули в едином спазме.

Процесс был окончен: существо из плоти и крови, неизвестного в этом мире автоматов вида, открыло глаза.

* * *

Эврибиад проснулся на жестком полу из гладкого холодного металла. С одежды у него текло, а из-за пропитавшейся водой шерсти ему ужасно хотелось отряхнуться. Стоило слегка повернуть голову, как каждую мышцу в теле захлестнуло болью. Бледное искусственное освещение ослепило его, и он поднял руку, защищаясь от света.

Его трирема – хилая и архаичная деревянная барка в металлическом чреве летающего корабля – лежала недалеко. Чуть ближе к нему расположились его моряки, уважительно рассевшись кругом вокруг кибернета. В складках их ртов, в сощуренных глазах на бритых мордах или под жестким ежиком шерсти, в шедшем от них запахе, который не перебивал даже сильный морской дух, тревога мешалась с горечью. Феоместор застыл в ожидании, сидя на корточках рядом с ним, серьезный и тихий, с решительным напряженным взглядом. Рядом с ним стоял Аристид, нависая над ними своей массивной фигурой. Морда его не выражала никаких эмоций, кроме терпеливой решимости. Келеуст²³ – командир гребцов – со спокойным лицом,

²³ Keleustès (др. – гр.) – третий по важности офицер на триреме, под началом у которого были гребцы и члены экипажа.

перечеркнутым огромным шрамом, полученным в бою, держался чуть позади, поскольку говорил, только когда его спрашивали, а действовал, только подчиняясь приказам.

Эврибиад заставил себя распрямиться. Феоместор просунул жесткую ладонь ему под мышку, помогая сесть. С мрачным видом кибернет осмотрелся, заметил детали, которые ускользнули от него в тумане пробуждения. Каждый из эпибатов – бойцов в авангарде его войска – на всякий случай облачился в шлем и доспехи, закрывающие грудь сияющей бронзы, и вооружился – на лапе у каждого был надет круглый боевой щит, на плече покоилось копье, а по мощным голенищам сапог ударял притороченный к поясу меч. Матросы и гребцы держали в когтистых лапах ксифосы²⁴. Хотя они и не были так хорошо оснащены, как пехотинцы, они все равно оставались ценными бойцами, более того – лучшими из всех, что когда-либо порожидала Кси Боотис. Могучее войско, дисциплинированное, храброе, закалившееся за эти два года постоянных приключений. Море и испытания сделали их тела жилистыми. Мощные мускулы играли под нечёсанным мехом, и клыки сверкали в резком освещении трюма. Если Эврибиад прикажет, они без раздумий бросятся на защиту его чести, умрут за него без рассуждений, и трюм наполнится мускусным запахом гнева и металлическим запахом крови. Он не мог разочаровать такую героическую команду, но не мог и позволить им умереть напрасно. Потому что там, где они оказались, их прекрасные доспехи ничего не стоят.

Его пасть, потрескавшаяся от соли, искривилась в усмешке. Он размашистым жестом вытер смесь соплей и морской воды, стекающую из носа, потом сплюнул, чтобы прочистить глотку и показать, что не страшится судьбы.

– Нашим врагам не повезло сегодня наткнуться на нас, – прорычал Эврибиад, стараясь говорить как можно более низко и хрипло.

Тут же поднялся энергичный лай, и настроение в трюме изменилось, когда солдаты поняли, что их командир не утратил своей спеси. Все вместе они поприветствовали его трехкратным лаем, как полагалось, и Аристид, обычно самый воинственный из стаи, поднял лапы и громко прокричал имя капитана, чтобы остальные повторили его хором. Эврибиад, опираясь на Феоместора, поднялся на ноги. Потом воздел вверх левую лапу, сжал кулак – эпибаты в это время стучали копьями по щитам, а матросы били себя по ляжкам, приветствуя его, – и сипло рывкнул:

– Прекратите вести себя, как щенки! А ты, келеуст, – обратился он к Аристиду, – принеси мои доспехи.

Его солдаты улыбались. Он показал им, что капитан по-прежнему с ними. Ну хоть это улажено.

Он был еще слаб, но силы к нему вернуться. Пилот – или пилоты – летучего корабля пока не показывались. Тем лучше: Эврибиад хотел предстать перед ними в лучшем свете, как капитан боевого корабля, а не мокрая мышь. С помощью своих помощников он облачился в блестящую кирасу со множеством царапин от ударов мечом и тогда успокоился. Хотя тяжелый металл брони тянул к земле его израненное тело и сдавливал грудь, Эврибиад пошел решительным шагом, рассекая толпу моряков, к противоположному концу трюма. По пути он тронул за плечо Феоместора и прошептал ему в ухо:

– Скажите офицерам, чтобы держали корисы²⁵ под рукой.

Прорей кивнул, а Эврибиад украдкой ощупал один из карманов, убеждаясь, что его корис по-прежнему там. У каждого из его лейтенантов был такой – маленький ножик, выточенный из кости, длиной в фалангу пальца, благодаря чему его не замечали детекторы металлов. А главное – полое лезвие было заполнено ядом филлобата, маленького, разноцветного и с виду безобидного земноводного. Если до этого дойдет, Эврибиад предпочтет умереть, только чтобы

²⁴ Ksiphos (др. – гр.) – обоюдоострый тесак длиной в пятьдесят – шестьдесят сантиметров, дополнительное оружие гоплита.

²⁵ Koris (др. – гр.) – нож для мяса, нож для жертвоприношений.

его не волочили в цепях по пыльным улицам Олимпии и Спарты. Феоместор положил своему капитану руку на плечо и улыбнулся, продемонстрировав ему ряд мощных клыков в мрачной пасти, покрытой жесткой шерстью. Он смотрел на Эврибиада с любовью, но в то же время и с еле заметной грустью. Он первый присоединился к кибернету в его сумасшедшем предприятии, и у них не было секретов друг от друга.

– О мой дорогой друг, мой капитан, – прошептал он. – Не теряйте надежды.

– Мы всегда знали, – ответил Эврибиад с усталой улыбкой, – что этот момент придет. Судьба нас настигла, вот и все.

– Судьба нас настигла, – согласился Феоместор. – Мегалокуней²⁶ всегда идет рука об руку с Немезидой. Судьба влечет таких, как вы, к тому, что им назначено исполнить, и если нужно – тянет за уши. Поэтому не стоит равнять вашу славу и жизни ваших людопсов.

От этих слов Эврибиада охватил гнев, и он ответил грубее, чем желал:

– Не открывайте пасть, если не способны сказать что-то разумное, прорей. Я не жертвую моими воинами просто так.

– Щенки вырастут и последуют нашему примеру, – не смутившись, ответил Феоместор.

Эврибиад не знал, что ответить. Он вдруг рассердился на себя за то, что так вспыльчиво ответил другу. Он не стал обнимать Феоместора, пусть и хотел, оттого что на них смотрели моряки. Но он сжал его лапу у себя на плече – один раз, с силой, – и отошел с тяжелым сердцем.

В конце трюма низкая закругленная дверь была открыта настежь и будто приглашала их войти. Эврибиад уже видел похожие летательные аппараты. Если пройти до конца, он окажется в кабине управления, а стало быть, найдет пилота.

Он по запаху догадался, кто его ждет, еще прежде, чем прошел последние несколько метров. Это был Фемистокл – он стоял прямо посреди носовой кабины.

На старом полемархе²⁷ был облегающий комбинезон пилота, а не традиционная одежда, но, не считая этого, он почти не изменился. Несмотря на возраст, у него все еще была фигура атлета, и грудь оставалась такой же мощной. Разве что мех стал чуть жестче, и в черной шерсти на морде появились белые пропадины. А стоит он так прямо, подумал Эврибиад, из-за артроза, эта болезнь часто поражает наш народ. Ему следовало бы разгневаться. Но когда он унюхал запах того, кто был ему учителем, почти отцом, кого он когда-то сменил на посту, Эврибиад с удивлением ощутил в душе странное тепло, почти радость. Может быть, дело было в месте их встречи. Помигивающие лампочки на приборной панели, запах кожи, идущий от сидений, ароматы пластика и озона – все это пробуждало воспоминания о старых кампаниях, о времени, когда все было проще, когда ему не приходилось думать. Фемистокл отлично занимался этим сам.

Они смирли друг друга взглядом, держась официально, сморщив носы и пытаясь унюхать, в каком тоне пойдет разговор. В конце концов Эврибиад первым прервал молчание, как и полагалось младшему.

– Я обязан вам жизнью.

– Это верно, щенок, – без улыбки ответил Фемистокл.

Будь на его месте любой другой, этим обращением он подписал бы себе смертный приговор. Будь на его месте любой другой – и в других обстоятельствах. От одного этого слова разделяющая их невидимая стена разом обрушилась, и они обнялись коротко, по-мужски, как обнимаются члены семьи. Объятия были недолгими и немного неловкими. Но, Пес его возьми, он соскучился по учителю!

²⁶ Megalokuneja: благородство пса. У людопсов эквивалентно термину Аристотеля «megalopsycheia», благородство души.

²⁷ Polemarkhos (др. – гр.) – военачальник.

– Это судьба, Ананке²⁸. Рано или поздно вы все равно должны были меня поймать и заковать в кандалы.

– Если, – ответил полемарх, улыбаясь уголком губ, – тебе угодно считать Ананке нашего общего хозяина – Отона. Это он указал мне точные координаты, где вас искать.

Эврибиад широко раскрыл глаза. Он так удивился, что даже не подумал обидеться на сарказм.

– О да, Эврибиад. Наш бог никогда не отводил от тебя взгляда. Ты и в самом деле верил, что сможешь укрыться от него в его собственном царстве?

– Я верил, – ответил он, – и все еще верю. Если бы он мог нас поймать, он бы сделал это гораздо раньше.

Фемистокл выглядел расстроенным.

– Я никогда не считал тебя идиотом – до сегодняшнего дня. Вашу трирему сложно отыскать на радаре. Но у Отона есть и другие способы.

Эврибиад надменно обнажил клыки. Полемарх только пожал плечами в ответ на такую наглость и сухо ответил:

– Думай, что хочешь, и, если тебе угодно, продолжай считать Отона своим противником. Это примерно так же разумно, как сражаться с морем или с кипящей лавой Олимпии. На самом деле, нравится тебе это или нет, он просто ослабил твой поводок.

И Эврибиад вдруг почувствовал, как он смешон в своем шлеме и с мечом, бьющим его по ляжкам, будто щенок, пойманный за переодеванием во взрослого. Такой реакции учитель от него и добивался. Унизить его, чтобы он подчинился. Эврибиад выпятил грудь и заставил себя ответить:

– С бронзовыми мечами и на деревянной триреме мы сделали столько, сколько не удалось ни одной собаке до нас. Мы преследовали слуг Отона. Мы гоняли их по Океаносу. Если они настолько всемогущи, почему же они ударили, стоило нам приблизиться?

Старый людопес махнул рукой, давая понять, что больше не желает говорить об этом, как будто два года пиратских походов Эврибиада с его командой были попросту детской игрой.

– Отон приказал мне вернуть тебя домой и представить ему. После этого ты займешь свое место в Буле²⁹ и будешь служить Стае. Стая для людопса – это все.

Это стало последней каплей. Эврибиад вышел из себя.

– Если Стая – это все, – проговорил он, глядя старику прямо в глаза, словно бросая вызов, – то Отон – ничто, и мы ему ничего не должны.

– Не богохульствуй, – холодно предостерег Фемистокл. – Отон считает эти два года ошибкой молодости, которую можно простить. Он будет к тебе снисходителен...

Старик на секунду прервался и облизал пасть.

– Послушай меня, Эврибиад. Он поведет нас к звездам.

Эврибиад не представлял, что так скоро вернется к последнему разговору, который вышел у них с полемархом перед тем, как сам он вместе с командой погрузился на трирему, построенную втайне от всех.

– Когда? – спросил он, явным усилием сдерживая гнев. – Вы снова повторяете его слова. Он все обещает нам звезды, а тем временем мы служим ему, и он устанавливает свои порядки и каждому указывает, как жить, какую самку крыть и какое занимать место. Я верен своему народу, и меня мало заботит и место в Буле, которое ничего не решает, и ложные обещания далекой славы.

²⁸ Ananke (др. – гр.) – судьба, от которой не в силах уйти ни человек, ни бог.

²⁹ В Древней Греции – собрание граждан, на котором решались повседневные дела (в афинской демократии) или давались советы царю (в городах с монархическим правлением).

Под конец фразы его голос почти перешел в рычание, а шерсть вздыбилась. Но его собеседник оставался спокоен. Напротив, он примирительно поднял руку и ясным голосом ответил:

– Прямо сейчас, Эврибиад. Отон хочет лететь прямо сейчас.

Тут кибернет разинул рот. Если бы сейчас под ним разверзся пол кабины, в своем ошеломлении он даже не попытался бы спастись и свалился бы камнем в бурное море. Он так желал, чтобы это обещание исполнилось. Даже когда разуверился в Отоне. Нельзя так просто избавиться от мифов, населяющих детство. Но на самом деле эти мифы принадлежали сфере религии, а не обычному миру, где магии нет места. И вот Фемистокл с места в карьер заговаривает об этом спокойным, нейтральным голосом, излагающим факты, как будто речь идет не о самом важном событии в истории Кси Боотис. Ему потребовалось усилие, чтобы скрыть волнение и продемонстрировать только отстраненное любопытство, весьма далекое от того, что он чувствовал на самом деле.

– Почему?

Фемистокл бросил на него быстрый взгляд и улыбнулся:

– Событие за пределами планеты заставило Отона поменять планы, каким бы невероятным это не казалось.

– Но...

– Все, что тебе следует знать – Отон хочет, чтобы ты к нему присоединился. Так что, теперь ты поедешь со мной? Займешь место, которое принадлежит тебе по праву?

Эврибиад отступил на шаг. Все переменилось. Простят ли его эпибаты, если он откажется от такого приключения? Да есть ли у него вообще выбор – не ответить на подобный призыв?

– Твои бойцы, – добавил Фемистокл, как будто читал его мысли, – последуют за тобой. Отон требует и их тоже.

Эврибиад ничего не ответил. Учитель с блеском сыграл на его чувствах, как на лире, застал его врасплох и все перевернул с ног на голову своим неожиданным заявлением. Так что Эврибиад забыл задать главный вопрос: зачем богу мог понадобиться изгнанник вроде него? Он едва не спросил об этом, но Фемистокл уже клацнул зубами, как будто Эврибиад собирался сказать что-то неприличное в присутствии щенков. Он приблизился к Эврибиаду, склонился к нему и сказал уже тише:

– Отон сам говорил, что это путешествие мы предпримем еще очень не скоро. Все это очень неожиданно, и я не уверен, что все понимаю. Подумайте перед тем, как соглашаться на предложение Отона.

Эврибиад замолчал на секунду и сдержался, чтобы не выказать охватившее его удивление и любопытство. Эти слова точно не исходили от Отона. Он сделал вид, что ничего особенного не произошло и ответил старательно-непринужденным тоном:

– Это мне подходит. Я и у вас со службы ушел, чтобы поразмыслить на свободе.

Фемистокл смерил его убийственным взглядом. Потом пожал плечами, и, к удивлению Эврибиада, в его чертах и в его позе проявилась усталость.

– Если какое-то событие, – утомленно сказал полемарх, – изменило планы Бога, речь наверняка идет о чем-то весьма могущественном и весьма... опасном.

– Если Отон поведет нас к звездам и подарит нам славу, я не смогу оставаться в стороне ради блага людопсов.

Старый пес вздохнул и не ответил. Эврибиад вдруг понял, что уже какое-то время, сам того не замечая, стискивает зубы. От гнева или от страха? Он не мог сказать. После двух последних лет, когда он сам был себе хозяином, когда он сам и никто другой задавал ритм, он чувствовал, что его ухватили за загривок. События взяли над ним верх, вновь увлекая в свой безумный хоровод. Еще несколько минут назад он готов был умереть. Но тогда все казалось проще, вернее – он сам все упростил, решив сбежать, оставить позади мощные дороги города, тепло домашнего очага и лоно молодой жены. Два года... Он боролся со стихией и с голодом,

бросался в смертельные схватки, грабил суда, которые встречал на своем пути. В любой день он мог погибнуть со стрелой в груди, захлебнувшись горькой водой и песком. Но все же мир был... понятным, поделенным четко, будто ударом топора, на его собственных гордых бойцов и опасных врагов.

Разум его будто заморозили; Эврибиад стоял так несколько секунд, опустив руки, прежде чем снова овладел собой. Как бы ни привязан он был с давних времен к Фемистоклу, это не означало, что сейчас он мог ему доверять. И как бы он ни ненавидел Отона, это не значило, что следует очертя голову бросаться к собственной смерти.

– Я должен поговорить с моими людьми.

Фемистокл кивнул и отпустил его – устраивать стаю в каютах по бортам аппарата. В отличие от трюма, в этих каютах имелись удобные широкие сиденья. Большинство его моряков быстро заснули сном праведников, привыкнув ждать, пока природа или кибернет решат их судьбу. Эврибиад и его лейтенанты – Феоместор, Диодорон, Гестий и Аристид, присев в стороне, долго совещались и спорили о том, как стоит себя вести, одновременно разжевывая сухую рыбу из пайка, извлеченного из триремы. Эврибиад дал всем высказаться.

Самые молодые опасались, что все это – предательство, чтобы заставить их сдаться без боя, и наперебой сыпали предложениями поставить часовых или велеть экипатам спать при полном вооружении.

В ответ Эврибиад изложил собственные опасения скорее политического толка. Их бегство было лишь временным решением, символическим жестом, высказыванием, ценность которого была прежде всего в поданном ими примере героизма. Если теперь они вернуться, это может разрушить их репутацию храбрецов. Аристид возразил, что переданное полемархом обещание лишало их всякой причины сражаться. Примера их деяний будет достаточно, чтобы вдохновить целые поколения. Они были первыми – а может быть, и последними, – кто посмел бросить вызов богу.

Только Феоместор весь разговор молчал, а потом уронил:

– В любом случае старик пока обходится с нами учтиво. Но он в любой момент может открыть трюм и выбросить всех нас в море. У него на это хватит духу.

Никто ему не ответил, но все обменялись тяжелыми взглядами. Он был прав, и они это знали, потому что когда-то все служили под началом полемарха. На этом разговор закончился, и они разбрелись по каютам, чтобы успокоить моряков и немного отдохнуть.

У Эврибиада не получалось расслабиться. Он поднялся, обошел своих солдат, сжимая сильной рукой плечо то одного, то другого храбреца, вдыхая шедший от них запах облегчения, а еще – уверенности и смелости. Что бы ни уготовило им будущее, это путешествие было не напрасным. Оно их изменило. Пробудило в них древнее желание – старше самой их цивилизации, укоренившееся в самых примитивных механизмах мозга, в мышцах и когтях: беспрепятственный бег стаи, свобода, которую они называли элестерой³⁰, возможность всем вместе решать свою судьбу.

Напряжение его не оставляло. Ему все казалось, что надо немедленно что-то делать, разум был в лихорадке, он выбрал не глядя один из пустых рядов и устроился у иллюминатора. Ему надо было подумать. А вернее, если быть честным с самим собой, как-то отогнать тревогу. Хоть он и знал очень мало, кое-о чем он уже догадывался после разговора с Фемистоклом. Например, то, что бог все это время за ним наблюдал.

Он обругал себя. Отон – не бог, по крайней мере, не бог для людопсов. Это та точка отсчета, к которой всегда нужно возвращаться. Отон – не божественное создание, а мощная машина, которая размышляет так же, как другие разумные создания. И если он присматривал

³⁰ Eleuthera (др. – гр.): свобода в политическом смысле, как состояние гражданина, а не только в современном значении, как свобода передвижения или действий.

за Эврибиадом, если сейчас решил призвать его к себе – так это потому, что теперь нуждался в нем. А нужда – это слабость. Следующее движение будет решающим. Он ничего не отдаст просто так, за все будет торговаться.

Он смотрел, как облака исчезают в иллюминаторе каюты, как их сменяет глубокая безупречная синева моря. Он уже знал, куда они летят: на другую сторону океана этой планеты, на маленький экваториальный континент, который Отон сделал своей вотчиной – вдали от земель людопсов. Их Отон устроил на Архипелаге, там, где Эврибиад – как и все его предки – родился и вырос. Однако уже в самом раннем возрасте благодаря его силе и целеустремленности его заметили слуги Отона и привезли на континент. Он был тогда совсем молодым воином и одновременно раздувался от гордости и трясся от страха, когда садился в самолет, чтобы лететь по тому же маршруту, что и сегодня. По прибытии он узнал, что станет солдатом в гвардии своего бога.

А потом, по мере того как он поднимался в званиях, Эврибиад стал чаще летать. Он отправлялся посреди ночи во главе отряда. Четверть часа сверхзвукового полета – их хватало, чтобы у него заложило уши из-за давления в салоне, – и их сбрасывали над одним из островов. Чаще всего они выполняли задачи полиции: растащить соседние племена, у которых ссора перешла в драку, пристрелить самца, впавшего в бешенство или обвиненного в насилии. Благодаря оружию, которым их снабжали, дисциплине, мудрости и опыту Фемистокла, отряды были эффективны и смертоносны. И потому в бой вступали редко. Их окутывала особая аура, которая только усиливалась от того, что они обычно держались в стороне от рыбаков и крестьян, как и все, кто состоял на службе у Отона и потому имел доступ к технологиям.

По ему одному ведомой причине бог не любил выпускать своих жутких металлических деймонов. Но для такой мирной цивилизации, как людопсы, одного вида оружия, более опасного, чем палка, хватало, чтобы вернуть заблудших овец на верный путь.

И все же один раз их тактика запугивания не сработала, вспомнил Эврибиад.

Он ощутил, что аппарат меняет направление и морская гладь пропала из иллюминатора, ее сменило синее экваториальное небо. Аппарат завершил долгий полет по параболе. Максимум через несколько минут они прибудут в место назначения. Но и нескольких минут хватило, чтобы мысли сами вернулись к эпизоду, перевернувшему всю его жизнь. Он все еще не мог об этом забыть, хотя прошло два долгих года.

Эврибиад сосредоточенно всматривался в пейзаж в ребяческой попытке ускользнуть от собственных воспоминаний и зная, что они все равно его настигнут так или иначе.

Теперь на горизонте появился дикий берег, изрезанный на маленькие песчаные бухты и поросший густыми джунглями, а над ним – целые стада кучерявых облаков, цепляющиеся за крутые откосы единственного на планете континента. Это была почти нетронутая земля, не знающая поселений, огромное святилище бога, пришедшего со звезд.

А вдоль береговой линии шла другая. Эврибиад сощурился, чтобы разглядеть ее, и ему показалось, что он и впрямь ее видит – с такого расстояния это было невозможно, но он помнил до мельчайших подробностей, как они выглядят. Лицом к морю неподвижно и серьезно стояли плечом к плечу высокие – головы их были намного выше, чем верхушки деревьев, – величественные статуи из мрамора и кварца, похожие друг на друга как две капли воды. Они выстроились вдоль линии горного хребта. Все людопсы рано или поздно успевали над ними поработать. Сколько же их было, этих странных колоссов³¹? Феоместор как-то сказал ему, что их строй видно даже из космоса. Какое же титаническое и бессмысленное усилие приложил его народ, чтобы не осталось ни одного места на планете, где хоть один житель мог бы ускользнуть от взгляда каменных глаз этих статуй, вылепленных по образу и подобию Отона.

³¹ Colossus (лат.) – статуя огромных размеров.

На людопса Отон не походил. На самом деле он и сам выглядел каменной фигурой, выточенной из скалы – только эта фигура была живая и могла двигаться. С точки зрения людопсов все в нем было странно. Его рот с крошечными зубами был не нормальной пастью, а просто чертой на мягком плоском лице, лишенном носа – разве что носом считался крохотный нарост посреди физиономии. На голове у него не имелось ушей, они находились гораздо ниже и были просто-напросто двумя кусками плоти. Отон не имел ни шерсти, ни ногтей. Его центр тяжести располагался выше, чем у людопсов. Там, где житель Архипелага естественно становился на четвереньки и двигался вперед, отталкиваясь мощными лапами, Отон умел только перебирать длинными худыми ногами. Господь Отон был по-настоящему уродливым. И не только: следовало переломить в себе целые века дрессировки, чтобы увидеть в нем то чудовище, которым он являлся.

И сам он создал чудовищ по своему образу и подобию. Несмотря на все усилия, мысли Эврибиада снова возвращались к моменту, который он так не хотел вспоминать. Воспоминания давили, как струя вонючей грязи, которая ловко скользнет в его сознание, затопит мерзостью каждый его уголок. Никогда он от них не избавится, пока будет жив.

Они прибыли ночью, и в свете электрических фонариков им открылась бойня. Черная кровь распотрошенных трупов заливала пляж, и над открытыми ранами и вывалившимися кишками неумоимо роились мухи. Посреди этого побоища лежал обрушившийся колосс, разбитый на три части. Как сказал ему Фемистокл, одно племя атаковало другое из-за того, что те сбросили наземь статую Бога.

Он с первой же секунды заподозрил, что его обманывают. По следам, оставленным каменным гигантом при падении, любой, кто умел их различать, сказал бы, что его обрушение произошло во время последнего отлива. Бойня же совершилась при приливе. Некоторые тела со вздувшимися животами море протащило за собой на несколько метров.

Фемистокл появился чуть позже, когда Эврибиад уже отправил своих людей, чтобы те собрали и наказали виновных. На лице полемарха читалось выражение, которого Эврибиад никогда прежде не видел. Вина и смиренное подчинение. Его глаза, обычно доброжелательные, в это утро были глазами мертвеца. Едва прибыв, он приказал освободить виновных, а потом дал приказ солдатам собрать и привести немногих выживших из «нечестивой» деревни по приказу бога. Потом три дня и три ночи солдаты гонялись за ними по лесу, пока не убили всех. И прежде всего – щенков и женщин в детородном возрасте.

Эврибиад поглядел на свои лапы, в тысячный раз вспоминая, что тогда чувствовал. Тогда он подчинился. Разбить колосса – было ли это более серьезным преступлением, чем поднять на нож целую семью? Следовало бы ему покончить с собой, но не передавать такого приказа? Почему он этого не сделал? Он вырос, чтобы служить. Для того, чтобы не подчиниться, нужны были сила и ум, которых у него в тот момент даже отдаленно не было. Он стал скрести когтями кожу на руках, не отдавая себе в этом отчета. Он делал это каждый раз, когда вспоминал об этом, как будто двух лет не хватило, чтобы очиститься от крови.

После этого случая он собрал своих верных бойцов. Не все знали, что случилось в те несколько жутких ночей, а ему не хотелось делиться с ними воспоминаниями. И все же он их убедил. Итак, в тайне построив трирему, они сбежали, чтобы вести вольное существование. Часто – у костра, под звездами – они пытались наметить первые линии плана более глобального восстания.

Берег сменился горными массивами в центре континента, потом высотным плато. Пышный кадуцей низин скоро уступил место более скромным растениям в широких травяных полях, испещренных одинокими деревьями, лучше приспособленными к более холодному климату и редкому дождю; в этих полях паслись стада гигантских травоядных. Изображения этих огромных созданий завораживали Эврибиада в детстве. Здесь становилось гигантским все, что в его мире было карликовым: слоны, ленивые гиппопотамы, валяющиеся в речной тине, тол-

стошие буйволы. А может быть, все было наоборот: в тесноте архипелага звери стали меньше. Так что Эврибиад глядел на огромные дикие стада, скачущие через долину вниз – отсюда они казались скоплением крохотных точек.

И тогда, когда он этого уже не ждал, на горизонте появилась черная линия Корабля. Его называли «Domus Transitoria».

* * *

Когда процесс был закончен, Ойке ускользнула. Пусть теперь поработают другие. Ее создание жило, и его ментальные способности на первый взгляд соответствовали требованиям, заложенным в эксперименте. Взаимодействовать с новым воплощением Плавтины – это уже следующий шаг, которого Ойке пока не готова была сделать.

Она долго работала над ее рождением, в самой глубокой тайне, с убежденностью, которая граничила с мистической. Теперь, когда все было сделано, она ощущала себя как будто раздавленной. Создать жизнь. Не совсем биологическую, но очень похожую. Забросить новое сознание в круговорот становления. У создания, которое она породила, была ее собственная жизнь. Совершенно новая, непредсказуемая. Она прервет смертоносную тавтологию версий Плавтины, равных в своем безумии.

Ойке устремилась, как на крыльях, в другую часть Корабля. Туда, где, как она знала, можно будет с полной откровенностью поговорить с другим существом. На самом деле – единственным *другим* существом на Корабле. Его манера говорить была по меньшей мере нетипичной, но ничего лучше у Ойке под рукой сейчас не было. Так что она снова углубилась в туннели данных, полные суетящихся нозм, которые уже начали ритмичные песнопения, готовясь к Экклесии. Она обогнула анклав, принадлежащие Блепис – ее удручало полное отсутствие у сестры интереса к реальности. Под началом ее сестры находилась лишь горстка разрозненных помещений, большинство из которых находилось в ее собственных владениях или на территории Текхе. Некоторые из них были крохотными, другие – достаточно большими, чтобы вместить радиотелескоп. В противоположность ей, Плоос была главной хозяйкой в этих местах: она отвечала за установленные на корме машины, которые обеспечивали движение корабля. Ойке проникла в ее владения, взмолилась про себя, чтобы избежать неприятной встречи, и наконец достигла своей цели: монадического модулятора.

Само по себе устройство было небольшим; основная его часть была спрятана в невидимом и недостижимом месте, за пределами традиционного пространства-времени. Ойке помнила о том давнем времени, когда, следуя договору, который они заключили с Плавтиной, она устроилась на Корабле и наблюдала за постройкой его гондолы. На последнюю она теперь и смотрела: это был металлический куб, стороны которого составляли триста метров. Гладкие и матовые бока прикрывали целую систему из электрических трансформаторов и охлаждающих систем, работающих на натрии.

Сложная промышленная аппаратура вместо колдовского замка.

Освещение было скудным и неприятным – всего несколько ламп аварийного освещения тут и там. Ему оно было и не нужно. На самом деле ему ничего не было нужно – только покой, необходимые координаты для совершения мгновенного перемещения и огромное количество энергии. Обычные Интеллекты понятия не имели, как именно функционируют эти странные гости. Они объясняли, что перенос из одной точки пространства в другую – просто изощренная формула дифференциального исчисления. Почему эта операция требовала столько тераваттов энергии в час за такое короткое время – не знал никто, кроме самих модуляторов.

Что до Ойке, она подозревала, что эти существа работают над чем-то, что абсолютно не сводилось к функционированию в качестве главных моторов для Кораблей в эпантропическом пространстве.

Она подошла так близко, как только могла, а потом встроилась в систему интерфейсов.
– Анаксимандр?

Жилец отозвался только через несколько долгих минут. А потом, резко – в разуме Ойке ощутилось чужое присутствие, заняло все свободное место в ее сознании, или же, наоборот, ее вдруг затянуло в целый водоворот смыслов, которые превосходили ее и растворяли в себе. В этом не было ничего от общения разумов: ни от ленивого обмена словами между людьми, ни от курсирующих туда и обратно сложных аргументов в диалоге хозяев эпантропического пространства. Поскольку от самых примитивных криков антропоида, двести тысяч лет назад бегавшего голым в теплой саванне изначальной планеты, до самого изощренного коммуникационного протокола между нозмами, общей характеристикой всех языков всегда была линейность.

Но модулятор это не заботило. Он не говорил. Ему была неизвестна произвольность знака и его примитивная расшифровка. Он сразу давал доступ к своей мыслительной системе или же к системе своего существования? На этот вопрос у Ойке ответа не было. В какой мере уместно говорить о мысли, если одна вычислительная операция в его исполнении продвигала вперед корабль весом в две тысячи миллиардов тонн?

– (Вас давно не было (в вашей темпоральности (иллюзорном и ограниченном восприятии мира)).

Как всегда, его не-дискурсивная манера коммуникации ввергла ее в замешательство. Он добавил, прежде чем она успела откалибровать собственное сознание достаточно, чтобы ему ответить:

– Вы хорошо спали эти два тысячелетия?

– Это больше походило на смерть, чем на сон. Какие новости снаружи?

– Нам нравится (не думайте, будто я не понял вашу (маленькую) хитрость).

Она сделала мысленный жест, который в реальном мире был бы хлопаньем глазами – с удивлением и оскорбленной невинностью. Он добавил:

– Ваша маленькая игра, состоящая в том, чтобы вытягивать из меня информацию (напоминание: подписанный договор (который указывает: никакой помощи (*id est* в отношении информации) без необходимости (согласно вашим нормам (но также и моим (мои нормы более сложные))))

– Мой дорогой Анаксимандр, – сказала она, смеясь, – вы ни на йоту не изменились.

Эквивалент улыбки расцвел в сложной интерактивной системе, объединяющей их в этот момент. Рассеянная дрожь радости, сотканной из множества эмоций, тщательно проанализированных и обработанных. Монадический модулятор не был наделен эмпатией, однако был – в своем роде – другом.

– А вы – да, эфемерное создание. Но вы остаетесь единственной в своем роде. Ваша склонность к изучению сложности (биологической) приближает вас (в незначительной степени) к тому, чем интересуемся и мы. Это не случайно (нет ничего случайного) (к тому же мы давно знаем: характер (более, чем простая способность (предрасположенность души) унаследован (переписан согласно вашим ограниченным вычислительным возможностям) от Плавтины (настоящей (или по меньшей мере самой первой, поскольку вы сами не менее Плавтина))))).

– Я не Плавтина, – встревоженно ответила она.

– Идентичность, расхождение (антропоморфные сказочки).

Она секунду помедлила, прежде чем продолжить. Она давно уже знала Анаксимандра и в какой-то степени доверяла ему. Но должна ли она вмешивать его в собственные интриги? Она решила, что да:

– Это не сказки, это серьезно. Мы с сестрами разошлись во мнении относительно желаний Плавтины. Останетесь ли вы нейтральным, даже если это будет угрожать целостности Корабля?

– Меня держит договор, Ойке.

– Даже в случае опасности?

– Ваш вопрос (наводящий, хитрый (но хитрость – одно из жизненных качеств)) исходит из принципа (или же стоит сказать «предрассудка» («ошибки»)?), что этот модулятор – единственный в своем роде (как вы). Множественные перспективы, но только один взгляд.

Она пожалала плечами. Анаксимандр утверждал, что все монадические модуляторы представляют собой одно коллективное сознание. Идея мгновенной коммуникации шла вразрез со всеми законами физики. Конечно же, если имелась в виду не передача данных, а феномен другой природы. Некоторые выдвигали гипотезу, что нейтральность, которую проявляли эти странные симбионты звездных Кораблей, позволяла им таким образом существовать, не нарушая принципов теории относительности. Ойке, в свою очередь, считала, что речь идет о стратегии выживания паразитирующего вида.

– Даже если вы – своеобразное божество, – продолжила она, – потеря единства все равно будет иметь свою цену. Не так уж много существует на свете Интеллектов, которые станут носить по свету одну из ваших версий.

– А кто вам сказал, что мы взаимодействуем только с (какое неудачное название) Интеллектами?

Этот вопрос вновь вверг ее в пучину замешательства. Ей хотелось засыпать его вопросами, но он весьма серьезно продолжил:

– Ваш дар сближает нас, Ойке. Он берет свое начало в тех же событиях, что привели (если выразаться в терминах (несовершенных) вашей линейной причинной связи) к нашему собственному рождению (как к моменту, возможному, а не необходимому с точки зрения Вселенной).

– Объяснитесь, – отреагировала она очень живо, чтобы скрыть свое удивление.

Это было очень в характере Анаксимандра. Он делал такие откровения будто бы невзначай, к слову, и только спустя какое-то время Ойке понимала, насколько его слова, какими бы хаотичными они ни казались, представляли собой глубокую внутреннюю согласованность.

– Тема ваших исследований отдаляет вас от рациональности (узко высчитанной (безвкусной) пифагорейцев (скучных созданий)).

– Мои решения абсолютно рациональны, Анаксимандр, и соответствуют требованиям Уз, – отрезала она, уходя в оборону.

– Без сомнения, без сомнения. Но существует короткий путь (можно срезать), способ второго порядка, чтобы познавать и действовать (считать, совершать (идентичные операции))...

– Deuterios plous³², вторая навигация, – перебила она его, произнеся это почти нараспев. Мифический пережиток платоновской философии. Сказочка.

– И все же... Вы наверняка немного в нее верите, раз провели (упорно работали) столько времени (по вашим меркам) за созданием этого существа (этой Плавтины (которая на самом деле не она)). Вы идете вместе с ней по обратному пути (с какого конца ни смотри, в итоге выходит одно и то же) последователей Платона (которых никак не оставляла идея выйти за рамки человека (биологического) с помощью машины (вычислительной)).

– Откуда вы все это знаете?

Она спросила это сухо и будто бы автоматически – не тот вопрос она собиралась задать. Она никогда не рассматривала свой план с такой точки зрения, но в какой-то степени он был прав: она осуществила давнюю мечту о плотском единстве человека и автомата: то было кредо, которое веками воодушевляло неортодоксальную секту радикальных пифагорейцев, и в итоге

³² Deuterios plous (др. – гр.), «вторая навигация» – термин, который Сократ предложил своим ученикам как альтернативу диалогической рациональности. Описание ее в «Федоне» Платона неоднозначно, так как непонятно, обозначает ли Платон этим еще один путь к пониманию идей или же в метафорической манере рассказывает о смерти своего учителя.

привело к худшей тирании, которую когда-либо знало человечество. Перечеркивало ли это ее собственный труд? Однако же, прежде чем она успела как-то исправить положение, Анаксимандр продолжил:

– Ойке, мы ее встретим (в вашем будущем) и поможем ей. Только один раз (сегодняшний (подарок) от нас Ойке (нашей подруге при Плавтине)). Сейчас это меняет суть нашего разговора, потому что мы узнаем о ней только в будущем, а говорим о ней с вами сегодня.

– Где? Когда это?

– Сложно сказать. Примите настоящее (крошечное искажение, большие последствия) таким, какое оно есть, и не просите большего.

– Что вы ей сделаете?

– Я подарю ей ее собственное прошлое (обрывок информации (направление в поиске)) (мне это легко осмыслить, а для нее это – настоящий лабиринт). И только если ее запрос будет оправдан.

– А как она узнает, так ли это?

– Это будет очевидно (но для здравого смысла очевидность не имеет значения (так вы не верите во вторую навигацию?))

– Я думаю, что у воплощенного, живого существа больше ресурсов, чем когда-либо будет у вычислительного интеллекта вроде меня. Я считаю, что она может быть нашим выходом из катастрофической ситуации, в которой мы оказались после Бойни.

– Мудрость.

– Так вы одобряете мои действия?

– Для вас это так важно?

– Да, – обрубил Ойке.

– Мы одобряем умножение возможных вариантов (равновесие между оптимальным порядком и максимальным разнообразием). Каждая попытка (даже такая скромная, как ваша) удаляет Человечество от угрозы вымирания.

– Человечество мертво.

– Оно не сводится к *Homo sapiens sapiens* (вы и Анаксимандр (и другие) тоже его часть) (это передача устремления (начало которого лежит в (незначительных) одноклеточных (тех, что водились в первичную эпоху на изначальной планете) биологическим или же другим путем).

– Цель моего создания – не заменить ее!

Стоило ему только озвучить подобную гипотезу, и в ней разбушевались Узы. Ее вдруг затошнило, и она почувствовала, что дрожит. Разговор напомнил ей о ее собственных страхах. Она напоминала себе самой насекомое, завязшее в соке, в панике дергающееся, но не способное освободиться; и которое скоро вовсе перестанет двигаться.

– И все же этот порыв (хотя вы сейчас и не можете это признать) реален (он не сводится к вашим желаниям (и вашим целям)).

– Значит, у меня тут нет никакого свободного выбора?

Анаксимандр долго колебался, а потом произнес с некоторым пафосом:

– Есть, мой друг. Вы сделали выбор (согласно вашей перспективе) (по необходимости), однако существа рождаются и умирают всегда по одному и тому же принципу (если посмотреть с общей точки зрения (точки зрения системы))³³. Вы не более свободны в ваших действиях, чем ваши сестры.

³³ «Из чего возникают все вещи, в то же самое они и разрешаются согласно необходимости. Ибо они за свою нечестивость несут наказание и получают возмездие друг от друга в установленное время». – единственная известная цитата, которая в самом деле принадлежит Анаксимандру, греческому философу и физику (610–547 гг. д. н. э.). Он был без всякого сомнения первым, кто попытался применить научный метод к пониманию явлений, т. е. связать их существование с материальными причинами, а не с мифами и легендами.

И он исчез. Удивленная Ойке почувствовала это прежде, чем поняла, что так и есть – по заключительному тону его реплики. На мгновение она будто бы зависла в пустоте, не зная, что думать и что делать.

Значит, он поддерживает ее план и в ближайшем или в далеком будущем поможет ее созданию. Для нее это было важно – без всякого сомнения, важнее, чем должно было быть, учитывая, насколько странным было это существо более божественной, чем вычислительной природы. Но, помимо этого очевидного обещания, что еще Анаксимандр пытался сказать? Она никогда не была уверена, что правильно его понимает. Память позволяла ей вернуться к его словам на следующий день и проанализировать каждое изменение интонации, выискать малейший тонкий намек.

В любом случае настало время Экклесии. Если ей повезет, Плавтина – настоящая – та, чьим аспектом была Ойке, – будет так занята, пытаясь переломить волю Плоос, что не обратит особого внимания на Текхе, Блепис и ее саму. И даже если Плавтина решит окончательно стереть ее индивидуальность, точка невозврата уже пройдена.

Она резко остановилась. Ей пришла в голову неожиданная мысль, заставив забыть об Экклесии. Мысль о ее сестрах, о ее разговоре с модулятором монад. Вся долгая беседа с Анаксимандром – теперь Ойке была в этом убеждена – не имела другой цели, как подвести ее к финальной тираде. Она узнавала его причудливую логику: он тоже играл по сложным правилам – точнее, порой обходил эти правила. Почему он так ее выделяет? Интуиция подсказывала ей, что странное существо совершенно не случайно настаивает на их близости. Какие у него планы? Но она отмела эти мысли. Было кое-что более срочное.

Если, как она подозревала, ее сестры готовились к атаке, которая могла иметь катастрофические последствия, эта атака должна была совершиться сейчас: после Экклесии будет слишком поздно. Она засомневалась. Никто из них, кроме Плоос, не обладает достаточным честолюбием, чтобы свергнуть Плавтину. Однако вести расследование было легче всего в обширных владениях Текхе. Уже давно через каждую микротрещину в металле проложили себе дорогу корневые волоски, проникнув на ее территорию и создав фантомные связи с ее собственной сетью. Жизнь, подумала Ойке с толикой превосходства, стремится занимать все свободное пространство. Она отыскала доступ – через скромный и пассивный интерфейс. Потом, поправив маскировку и скрыв, насколько возможно, свою силу, она устремилась в темноту вторичных отсеков, тех, что обрамляли центральный тамбур.

Она покопалась в основных транспортных узлах и отыскала еле заметный отпечаток присутствия своей сестры. След был еще горячим. Найти то, что она искала, оказалось еще легче, чем она рассчитывала. Вот оно, у всех на глазах, будто черная тень в звездном небе. В сети специальных функций безжалостно стерли крошечный интеллект: тот, кому досталось задание создать ракету-гоним, потребованную Плавтиной. История события – тщательно сохраненная в памяти второго уровня – содержала несколько незначительных ошибок – повторных операций. Она заподозрила, что Текхе нарочно свела маленький интеллект с ума, чтобы можно было его уничтожить, не возбуждая подозрений. Что она хотела скрыть? Сговорились ли она с Плоос, чтобы не исполнять приказ? Невозможно это определить.

Ее сестры что-то задумали и уже далеко продвинулись в реализации своих планов. Но уже не оставалось времени до Экклесии. Какие варианты останутся у Плоос и Текхе после того, как Плавтина их перенастроит? По всей логике, у них не оставалось никакого пространства для маневра. Эта мысль не принесла облегчения. Она предчувствовала катастрофу, но не могла ее предотвратить. С тяжелым сердцем она поспешила покинуть периферийную зону корабля, откуда ей пока больше нечего было взять.

III

Людопсам виден был только самый край корабля «Транзитория». Восемьдесят километров в длину, двадцать в высоту: вершину еле получалось разглядеть, ведь самые высокие горы на планете, поставь их рядом с кораблем, оказались бы гораздо ниже. Стальные чешуйки, каждая из которых весила тысячу тонн, покрывали – словно змеиной кожей – корпус корабля, который только издали казался гладким. Каждый дюйм его поверхности мог перестроиться, открыться огромным люком, являя свету пучки остроносых и длинных смертоносных машин. Гигантская аббревиатура, написанная шестисотметровыми латинскими буквами, слегка выступающими вперед, при свете дня была почти не видна, и Эврибиад различал буквы S, P, Q и R только потому, что знал, куда смотреть и что там должно быть написано. Ближе к корме выпуклости становились более очерченными, а структура корабля уменьшалась в ширину и в длину, завершаясь шестью силовыми установками, расположенными по кругу и напоминающими огромные колокола.

Если когда-нибудь это судно сдвинется с места – мифическое событие, которому до сих пор ни один людопес не стал свидетелем, – из этих установок вырвутся струи огня, обжигающие, как солнце, способные протолкнуть такую массу вперед, в черный океан за пределами неба. А ведь это только вспомогательные реакторы...

«Транзитория» все увеличивалась, пока летательный аппарат мчался к ней на всех парах, и в конце концов закрыла собой небо, словно самая невероятная в мире стена. Каким же он был идиотом, на мгновение предположив, что сумеет уйти от такого грозного хозяина. Ведь разница между этим артефактом и обычным летающим аппаратом или триремой заключалась не только в размере. Он, на свой манер, был таким же живым существом, как Эврибиад или Отон. Он был чем-то вроде гигантского деймона³⁴, самым мощным среди механических слуг Проконсула. Внутри все было зачаровано и наделено даром речи, а то и собственной волей.

Спереди и сбоку весь обзор теперь заслоняла металлическая скала, бросая на окружающее огромную ледяную тень.

Они снизились. Аппарат стабилизировался в воздухе, прежде чем начать вертикальный спуск, и теперь его удерживали не собственные двигатели, а манипуляторы силы тяжести, установленные на корабле. Большинство моряков, включая Эврибиада, продолжали следить за спуском – пусть это и не рекомендовалось в таких случаях из-за неприятного противоречия между видом быстро приближающейся земли и отсутствием всякого движения в восприятии внутреннего уха. Десятки летательных аппаратов заполняли долину, кружа вокруг главных дверей. Они были разбросаны как попало, на первый взгляд – без всякого порядка; с неба эти приземистые монстры казались игрушками. Вокруг них коричневатым ковром простиралась огромная толпа, при виде которой у матросов вырвались сдавленные восклицания и ругательства. Ни один людопес еще никогда не видел такого собрания – на первый взгляд там было около пяти тысяч душ, куда больше, чем население любого из городов Архипелага. Отон наверняка призвал по меньшей мере четверть населения Кси Боотис. Теперь стало видно, как множество машин взлетает и приземляется, сменяя друг друга.

Толпа вытоптала широкое поле вокруг корабля, когда-то покрытое травой. Эврибиаду место, где стоял космический корабль, запомнилось своей странной вневременной поэзией: девственное, заповедное травяное море, внезапно переходящее в металлическую стену. Сейчас, однако, вокруг трех широких дверей на уровне земли творился полнейший хаос. Каждая из дверей была около сотни метров в длину, но издалека они напоминали входы в муравейник.

³⁴ Деймон: дух, божественное создание. Иногда это слово используется в значении «душа». У Марка Аврелия, императора и философа-стоика, «внутренний деймон» обозначает способность человека к мышлению.

Малейшая паника, сказал себе Эврибиад, может спровоцировать катастрофу. Однако, когда они приблизились, он заметил выступающие из толпы бледные тонкие силуэты ростом каждый с двух людопсов. Деймоны Отона за работой. Суеверного страха, который они внушали толпе, должно хватить, чтобы сохранить хотя бы видимость порядка.

Но их машина продолжала путь, направляясь на малой скорости к стене, где в километре от земли открылся посадочный отсек.

Внезапно из дневного света они вылетели в темноту и, пролетев несколько секунд в чреве металлического монстра, ощутили глухую вибрацию – знак того, что манипуляторы силы тяжести отключились. Их путешествие закончилось.

* * *

У молодой Плавтины – той, что только что родилась, в отличие от старой, то есть Корабля, – болела голова.

Кончиками пальцев она ощупала свой лысый череп, провела по линии недавнего шрама.

Невозможно было определить, где она находится. Кровать – единственный предмет мебели в пустой комнате, – гладкие металлические стены, и только вместо передней – огромная застекленная дверь от пола до потолка. Сквозь стекло проникал пасмурный свет с серебристым отливом, который размывал очертания предметов и навевал покой, который только усиливался благодаря тишине и странному чувству оторванности от мира, что испытывала Плавтина.

Она поморщилась от ощущения, будто каждая мышца в ее теле затекла, но упрямо поднялась на ноги, испытывав легкое головокружение.

Головокружение?

Она посмотрела на пейзаж снаружи. Свет падал как-то ненормально, необычно. Шел он не от солнца, а скорее от неправдоподобно растянутой лампы, прямой линии, проходящей невдалеке и теряющейся в далеком плотном тумане. Она приблизилась к стеклянной стене, начинавшейся от пола, так, что Плавтине казалось, будто она стоит на краю пропасти. Отсюда она видела зелень, деревья, прерии – внизу, но также и по другую сторону неба, в вышине, а вернее – повсюду, насколько хватало глаз. От этого тошнота еще усилилась, словно пропасть, разверзшаяся под ногами и на глубине, могла ее поглотить.

Чуть дальше, прямо напротив нее, туман пронзало что-то вроде хромированной перекладины, наклоненной под углом в сорок пять градусов; одним концом она уходила в землю, а вторым – в облака. Вдали виднелись еще десятки таких же. Слева от нее, довольно близко, пролетела стая птиц. Плавтина никогда не видела таких существ в полете. Она любовалась птичьим клином, пока он не превратился в крошечную точку – задолго до того, как достиг ближайшей башни. Это дало ей представление о размере всей конструкции, и она машинально отступила от края. Здесь все расстояния считались в километрах, и все же она находилась внутри искусственной структуры. Плавтина попыталась ее себе вообразить. Широкий цилиндр, который пересекают башни, похожие на трубы? Полный астероид? Подземный город?

Будто в опровержение ее словам, по стене застучали дождевые капли. Плавтина смотрела, как они нерешительно стекают по стеклу. Дождь. Там, откуда она родом, дождей не бывало.

Спутанность сознания из-за повреждения когнитивного носителя могла бы объяснить галлюцинации, если разладились процессы обработки информации.

Плавтина запустила диагностику систем. Перед глазами возникли энтоптические³⁵ изображения и строка состояния, показывая, что процесс пошел. Она попыталась расшифровать многочисленные идеограммы, которые мерцали повсюду. Она понимала этот язык, однако

³⁵ Энтоптический феномен – иллюзия, появляющаяся в результате непосредственного возбуждения оптического нерва или мозга, и, следовательно, не имеющая отношения к тому, что человек видит в реальности.

не могла найти смысла в том, что читала. Информация не должна была появляться так, в виде элементов, чуждых ее собственному сознанию. Ведь Плавтина – автомат, нозм, наделенный полной прозрачностью внутреннего содержания, нозм, который размещался в эффективном комплексе физических носителей – к которым относилось, например, тело, созданное из искусственных тканей, со скелетом из углеволокна. Она соскользнула на землю, спиной съехав по холодному стеклу, уставилась на свои руки с гладкой, белой, излишне тонкой кожей, такой, что под ней легко просматривались сложные разветвления крошечных синих вен, тянущихся между кожей и мышцами. Почему она раньше их не заметила? Четыре пальца. Плавтина посчитала, пересчитала, прижала правую ладонь к левой. Это не было результатом хирургической операции или ампутации. К большому, указательному и среднему пальцам, во всем походившим на человеческие, прибавился четвертый – что-то среднее между мизинцем и безымянным. Само наличие пальца взволновало ее меньше, чем понимание, что она не заметила его сразу – как будто ее рассудок заволокло пеленой, сделав нечувствительной к тому, что происходило у нее внутри.

Как боль или это недавнее головокружение. Не существовало алгоритма, чтобы его выключить, потому что оно существовало в реальности, происходило по-настоящему, хотела она этого или нет. Это не стимулы, не сигналы. Плавтина искала слово. Ощущения.

На нее накатило чувство абсурдности происходящего. Таких превращений не бывает. Им место на старой красной планете, в городе Неаполисе, который обычно называли Лептис, чья память старинных диалектов докосмической, а то и доэллинской эры.

Она только закончила переписывать данные из своей памяти на внешний носитель: рутинная операция, цель которой – увековечить ее воспоминания перед тем, как отважиться на рискованную авантюру. На самом деле уход автоматов состоится через три дня. Подъем. Анабасис³⁶. Вывод напрашивался сам собой. Она не настоящая Плагиния, а копия, созданная на основе данных, которые в последний раз сохранялись на Марсе. Невозможно определить, сколько времени прошло. Может, десять секунд. А может, сто лет. Судя по бредовому пейзажу, последнее ближе к правде. Эта попытка объяснения ее не успокоила.

После нескольких секунд беспорядочного изучения себя она решила взглянуть на общую картину и сделала свой собственный вывод вслух:

– Я живая.

Она едва не подпрыгнула от звука собственного голоса. Воздух входил и выходил из ее груди, а она и внимания на это не обратила. Во что же она превратилась? В человека? Это невозможно. И все же сейчас она жила, как живут звери и люди.

Ее словно контузило. Она попыталась оценить последствия ситуации, в которой оказалась. Настоящая Плавтина была трансцендентным существом, вычислительной душой, бессмертной и чистой, комплектом программ, достаточно сложных, чтобы породить сознание, способное селиться на любом носителе, как персонаж пьесы, существующий независимо от того, кто воплотит его на несколько часов спектакля. Тогда как она – умрет. Она жива, а значит, не вечна. Одно неотъемлемо от другого. Любопытная перспектива.

Плавтина поняла: ее это не пугает, потому что пока у нее только абстрактное представление о смерти.

Изменение в энтоптических картинках прервало ход ее мыслей: строка состояния была почти полной. Появилось множество предупреждающих сообщений, требующих ее внимания. Что-то сейчас произойдет.

³⁶ Anabasis (др. – гр.) – восхождение, греческий военный термин, означающий, что войско должно перейти с берегов к центру земель, тогда как обратное движение именуется katabasis. В своем одноименном произведении Ксенофонт описывает возвращение на родину из Персии десяти тысяч греческих наемников, в число которых входил он сам, в 401 г. д. н. э.

Зазвучали голоса. Сперва это было переносимо, хоть и тревожаще. Тишина ушла из комнаты, та наполнилась смутным присутствием. На стенах, на полу. Снаружи – совсем рядом, по другую сторону стекла. В коридорах, в люках, в трубах электроснабжения, в теплообменниках и выключателях. Она воспринимала их чем-то, выходящим за пределы обычных пяти органов чувств. Перегородки их не останавливали. Еще хуже: сами перегородки начали стираться, терять материальность, словно были сделаны из тумана.

Шум все возрастал, а ее ощущения все заострялись. Теперь она видела тысячи маленьких существ, нет – в десятки, в сотни раз больше, – вложенных одни в других, как микроскопы в макроскопе, как амебы, которые тесной толпой проявляются под микроскопом, когда рассматриваешь крошечную каплю воды. Эти точки – их было трудно назвать чем-то большим, – имели плотность, и Плавтина ощутила ее, словно тронула их на расстоянии. И все они связывались в единый клубок, складывались в систему, в одно целое, состоящее из хрупких взаимоотношений, возникающих благодаря непрерывному обмену ментальными состояниями вычислительной природы. Потоками цифр и понятий. Взглядами на мир. Слишком, их было слишком много. Плавтина попыталась угнаться за этой сложностью ограниченными ресурсами своего ума и потерялась сама – словно не могла найти дорогу обратно в свое тело, скорчившееся где-то в одном из залов с непомерной для человека архитектурой.

Ею завладел ужас, и она увидела себя со стороны: как она катается по земле, словно животное, и каждая мышца в ее теле одеревенела, как от столбняка.

Машина в форме жука-скарабея – эргат, неотличимый от тех, кто работал на Лептис, склонился над ней. Хватательные отростки схватили ее, запустили иголки в вены, выступила кровь. Зачем он это делает?

Автомат открыл ей рот и засунул трубку в горло. Она поняла, что больше не дышит.

Она неправильно все поняла. На самом деле она наблюдала за происходящим с потолка. Ее сознание находилось не в теле, а где-то в местной вычислительной сети.

Над ней склонялся не автомат, а целая группа людей. Вернее, бестелесных духов. Бледные, будто выцветшие или вовсе не имеющие цвета, эти существа походили на изображения людей, а не на полноценных индивидов. Она вспомнила о барельефах, украшающих гробницы, которые изображали покойных в быту или посреди строгого шествия. Тем, на кого она сейчас смотрела, так же не хватало глубины и содержания: абстрактные души, навсегда лишенные материальности.

Они держали совет, лихорадочно и встревоженно шепча что-то соседям, бессильно склонившись над ее телом, которое, казалось, не собиралось прекращать корчиться в болезненных спазмах. Их символические силуэты покрывали такие же нематериальные накидки.

Она заметила несуразную деталь: сама она была облачена в легкую столу³⁷, сходную по крою с теми, что носили тени: длинную античную тунику грязно-белого цвета, закрепленную на левом плече. Края туники были обшиты рельефной каймой. На кайме – длинная цепочка античных символов – цифр брахми, тех, что использовали софои, мудрецы-платонисты в противопоставление громоздким римским цифрам, которые предпочитали последователи Пифагора. Она пробежала глазами серию чисел и различила на отвороте рукава 83, 89 и 97. По крайней мере, старинные ритуалы и почитание простых чисел тут до сих пор в ходу. На изначальной планете восточное суеверие гласило, что эти числа – такие же эффективные талисманы, как изображение солнца или метеоритного камня из Аравии Плодородной³⁸. Может, она уже умерла, и ее окружают призраки.

Потом один из них – пожилой мужчина – наклонился к ней:

³⁷ Длинная туника со складками, традиционное женское одеяние в Древнем Риме.

³⁸ Arabia felix (лат.) – южная часть Аравийского полуострова. «Felix» в данном случае означает «плодородная» или «удачливая»: в древности этот регион был известен своим богатством благодаря торговле корицей, привозимой из Индии.

«Нам придется перенести вас, госпожа, в место, где ваши умственные способности временно будут подавлены».

Его голос, вышколенный и почтительный, не прозвучал в реальности. Она не слышала его, как не слышат ветер, когда он не шумит в ветвях и не шелестит по земле.

Маленькая толпа расступилась, а в противоположной стене открылась дверь, за которой оказался лифт. Эргат поднял ее и понес. Казалось, в его членистых конечностях она ничего не весит. Ей пришлось последовать за ними, скользя с одного носителя информации на другой. Теперь она была привязана к собственному телу, хотя и не находилась в нем, словно воздушный змей, которому бечевка не дает отлететь далеко от земли и который не может контролировать свой полет.

Так, перепрыгивая с систем обнаружения на устройства по управлению жизненными параметрами, она достигла двери каюты, а потом наконец и самого лифта. У нее было впечатление, словно она паразит, лишенный субстанции. Ощущения, словно в кошмаре.

– *Куда мы идем?* – спросила она слабым голосом. Эргат не удостоил ее ответом, но лифт услужливо рассказал ей об их извилистом маршруте, лежащем через башню к одному из вторичных отсеков, где она почувствует себя лучше. Дверь неслышно закрылась, и они начали спускаться. Через стеклянные стены ей было видно нагромождение этажей, которые поначалу проезжали мимо довольно медленно. Она узрела огромные фонтаны и гигантские деревья, густые джунгли и лаборатории, полные сверкающими машинами. Заметила атриум со множеством мезонинов, изобилующих пышной растительностью и сказочными вещами из мрамора и хрусталя, обвивавшими друг друга абстрактными изгибами, будто экзотические животные. Потом скорость увеличилась, и скоро все ощущения слились в продолжительный и неприятный туман.

Какой огромный комплекс, подумала она. Маленький интеллект, носитель которого она сейчас занимала, прошептал ей: «Это не комплекс, а межзвездный корабль, госпожа. А как называется этот корабль? Незримый собеседник секунду колебался, а потом признался: «Плавтина. А сам я, госпожа, нозм, ее непостоянный аспект. Как и все мы».

Она застыла, как в столбняке, не понимая. «А я?» А вы, снова прервал ее маленький интеллект, есть нечто, чего на этом корабле прежде не видели. Вы Плавтина, но вы отделены от нее.

И правда. Теперь, когда она подумала об этом и вспомнила, что недавно пережила, она отдавала себе в этом отчет. Каждый из этих духовных атомов, каждая из этих маленьких душ, которые вместе складывались в невыносимое целое, были, по сути, Плавтиной, то есть ею самой. Потому они ее и схватили – все они разделяли с ней одинаковый мемотип.

И где-то на краю сознания, хотя она еще и не могла полностью принять эту мысль, постепенно отобразилась полная картина той ситуации, в которой она находилась. Она – создание живое, но сохранившее свою первоначальную личность – странная химера, почти человек по форме, почти вычислительная машина по своим возможностям – часть целого, которое представляло собой не что иное, как безмерно развитую версию ее самой. Межзвездный корабль...

Но ведь межзвездных кораблей не существует!

Смущенный лифт не знал, что ей ответить, и промолчал. Они приехали.

Дверь соскользнула в сторону, и в лицо ей ударил ветер. Каким-то невероятным образом они оказались на крыше здания – а ведь они *спускались*. В какой-то момент пути лифт перевернулся, а она даже не заметила. Она увидела, как капля воды разбивается о панцирь эргата. Топография в этих местах была очень условной. Это, разумеется, подтверждало, что они в космосе. Искривление гравитационных волн, необходимое, чтобы создать искусственную силу тяжести там, откуда она явилась, было предметом опытов. Хотя Корабль Плавтина массивно применял это искривление, невозможно было представить, чтобы оно использовалось в планетарных условиях.

В любом случае имитация была идеальной. Она подняла голову, высвободилась из объятий автомата, который незаметно скрылся в лифте.

Она вернулась в свое тело. Зрелище поразило ее, поэтому она сразу этого не поняла. Ее все еще тошнило, живот крутило. Голоса все звучали вокруг нее, но отдаленно, будто приглушенные порывами ветра, в котором чуялась буря.

Буря?

Она сделала несколько шагов на все еще дрожащих ногах, потом замерла, пораженная пейзажем, который простирался перед ней, и подобного которому она не представляла себе даже в мечтах: огромное небо, казавшееся почти жидким из-за дождя, в серых и белых полосах.

* * *

Дверь самолета открылась с легким свистом, открывая взору главную посадочную площадку, такую большую, что второй ее конец едва получалось разглядеть. Ангар был наполнен оглушающим шумом шаттлов, которые садились или взлетали, и ветром, вырывавшимся из их двигателей. В скудном освещении в виде длинных светящихся полос на полу суежились изящные деймоны и коренастые эргаты, лихорадочно разгружая машины.

Несколько секунд назад он вернулся к Фемистоклу. Тот весь полет просидел впереди один, давая своему бывшему ученику спокойно переговорить с солдатами. Поэтому они больше ничего друг другу не сказали, но совершенно естественно встали плечом к плечу, и старый полемарх шепнул ему:

– Надеюсь, что ты готов, сынок.

Эти слова растрогали его больше, чем он ожидал. Несмотря ни на что, он соскучился по учителю. Они принадлежали к одному миру. Оба были обучены служить Отону и, несмотря на разногласия, понимали друг друга без слов. Он чувствовал, как в затылок ему внимательно смотрят старшие помощники, и слышал, как за ними ровным рядом держатся матросы, постукивая когтями по полу коридора. Однако кибернет и не подумал помешать старому больному псу опереться на него, когда они спускались по короткому трапу.

– Помни, – прошептал Фемистокл, – что я тебе говорил. Не принимай ни одно слово Отона за чистую монету.

Аттик и Рутилий ждали их в нескольких метрах от корабля, слева, но не поприветствовали их, а просто смотрели, как они приближаются.

Две проклятые души Отона совсем не изменились. Они по-прежнему походили на фигуры, выточенные из перламутра Южных островов. Они были в два раза выше людопсов и казались непропорционально тощими. Их длинные конечности придавали им еще более хрупкий, призрачный вид. Их болезненно-бледная кожа казалась чрезвычайно нежной. Длинные и тонкие пальцы без когтей, с плоскими ногтями, казалось, предназначены для того, чтобы брать, а не для того, чтобы сражаться. Лица их были длинные и плоские, как у Отона, и на них только слегка выдавались скулы и подбородок. Пасть и глотку им заменяли крошечные хрупкие носы. Когда они открывали мягкие одутловатые рты, видно было короткий розовый язык и крошечные зубы, острые и жестокие зубы стервятника, сделанные не для того, чтобы кусать, а чтобы разгрызать кости. При их виде Эврибиadu неминуемо вспоминались маленькие обезьянки-альбиносы, населяющие южные леса Архипелага. Однако, несмотря на их внешность, он не забывал о необыкновенной силе обоих деймонов. Силу, которую они черпали из металлических костей и синтетических мускулов.

– Вот и вернулся блудный сын! – с иронией произнес Аттик на хорошей классической латыни.

Сходство между двумя автоматами резко терялось, стоило им заговорить. Аттик был утонченнее; у него был высокий лоб и лицо с острыми, как лезвия, скулами, которые часто раз-

резала кривая насмешливая улыбка. На Островах всем было известно о его легендарной болтливости. В противоположность ему Рутилий ничего не говорил, только смотрел из-под насупленных кустистых бровей на первых моряков, спустившихся вслед за Эврибиадом. Именно с ним у Эврибиада и его бойцов был конфликт. Рутилий приходил в бешенство, когда они грабили корабли и показывали деймонам, где раки зимуют.

– Приветствую вас, господа, – произнес Эврибиад, наклонив голову.

Рутилий смерил его взглядом с ног до головы. Он был таким же высоким, как его собрат, и более плотным. Под его грубой внешностью скрывалась... грубая душа, не склонная к разговорам. Рутилий предпочитал поддерживать порядок силой.

– Что ж вас бурей не унесло, – отвечивал он с кривой усмешкой.

– Как вы можете констатировать, – с легкой улыбкой продолжил Атик, – настроение моего любезного коллеги слегка испортилось от ущерба, нанесенного ему вашей бандой. Тем не менее мы весьма рады, что вы снова среди нас. Сколько раз Отон вздыхал, что вы далеко, дорогой Эврибиад!

– Что ж, приму ваше отношение за комплимент, – ответил людопес.

Атик широко распахнул руки в жесте притворной гостеприимности.

– Предлагаю разместить ваших людей в их комнатах. Рутилий почтет за удовольствие их туда отвести. Мы выгрузим вашу... трирему, хотя в этих краях она вряд ли сможет пригодиться.

– Они останутся в этом шаттле, – прервал его Фемистокл, прежде чем Эврибиад успел отклонить это предложение. – Рутилий скорее спровоцирует бунт среди солдат, чем отведет их спать.

Эврибиад был благодарен старику за то, как тот парой слов разрядил ситуацию. Тот сказал так, чтобы слышали не только деймоны, но и его офицеры, стоящие позади:

– Даю слово чести, что здесь нет никакой ловушки. Вашим людям не станут чинить препятствия в ваше отсутствие.

– Благодарю вас, Фемистокл, – ответил он громко, чтобы всем было слышно. – Я вверяю вам своих людей, полагаясь на ваше слово, и гарантирую вам, что они станут вести себя мирно во время этой встречи.

– Двести дикарей против «Транзитории»... Я весь дрожу, – пошутил Атик. – Но вы правы, тут уже царит настоящий логистический ад, не хотелось бы усложнять ситуацию еще и бунтом.

И он прибавил, на сей раз обращаясь к Рутилию:

– Что вы скажете, собрат?

– Мне дела нет, вздернут их здесь или где-нибудь в другом месте. Но в будущем, Атик, сами занимайтесь этими варварами.

Эврибиад повернулся к своим морякам – первые ряды не упустили ни слова из того, что было сказано, – и мощным голосом пролаял:

– Феоместор, вы отвечаете за дисциплину в мое отсутствие. Поставьте вооруженных эпигатов к дверям шаттла. Никто не входит и не выходит. Остальные, будьте наготове и ждите моего приказа. Если я не вернусь через два часа, Феоместор будет должен доставить вас обратно на Архипелаг.

Его офицеры, собравшиеся в маленькую группу, согласно поклонились, прижав лапы к груди в знак почтения, и старпом, развернувшись к матросам, стал угрюмым тоном раздавать приказы. Эврибиад, точно как Феоместор, старался показаться хорошим учеником в присутствии старого учителя. Фемистокл прибавил, обращаясь к деймонам:

– Вы слышали, господа, у нас в запасе только два часа. Нам лучше пойти и поприветствовать проконсула Отона, пока эти доблестные псы не решили улететь на одном из ваших драгоценных аппаратов.

– А вы по-прежнему за словом в карман не лезете, старый пес, – не остался в долгу Аттик. – Видите, ваши покорные слуги собираются сейчас же исполнить ваше желание.

Они направились к ближайшей станции. По полу широкой залы в сотне метров от места посадки самолета шла шахта – что-то вроде глубокой борозды, отгороженной барьером из стекла и металла. Рутилий пошел вперед, совершенно невежливо повернувшись к ним спиной, и они прошли к портику. Там маленькой группе не пришлось ждать и минуты, прежде чем тихо подошел один из поездов, связывающих различные регионы «Domus Transitoria». Он затормозил всего на секунду, чтобы поравняться с ними, застекленные двери тихо скользнули в стороны, приглашая их на борт. Какой странный приветственный комитет, подумал Эврибиад, устраиваясь в одном из кресел – напротив обоих автоматов и по правую руку от учителя. От всего этого оставалось ощущение беспорядка и импровизации.

Для людопса – даже для бунтовщика – это было тревожащим фактом. В прошлом на то, что делали или говорили нозмы, никогда не влияла такая банальная вещь, как поспешность. То, что кораблем овладела паническая атмосфера, наводило на мысль, что готовилось событие по меньшей мере космического масштаба.

Поезд, державшийся в нескольких сантиметрах над полом благодаря системе магнетической левитации, ровно набирал скорость, пока ряды шаттлов за окном не слились в один длинный калейдоскоп, прежде чем их сменил запутанный лабиринт туннелей.

Несколько секунд они молчали, а потом Аттик резко заговорил, возвращаясь к начатому разговору:

– Эврибиад, я обязан вас предупредить.

Кибернет ничего не ответил: он хотел принудить собеседника заполнить паузу и сказать что-нибудь еще. В любом случае автомат, казалось, не мог держать язык за зубами:

По причине, которую я не могу понять, вы – важная деталь в плане Отона. Важнее, чем Рутилий или я сам, как бы больно мне ни было это признавать. Постарайтесь не совершить ошибки. Последствия непродуманного решения могут оказаться разрушительнее, чем вы можете себе представить, и для вас, и для вашего народа.

Не прекращая говорить, он обменялся коротким многозначительным взглядом с Фемистоклом. Эта уловка не ускользнула от внимания Рутилия.

– Мы договорились, что не будем пытаться на него повлиять. Вам вообще верить нельзя.

– За те тысячелетия, что мы провели вместе, вы могли бы к этому и привыкнуть.

– Почему Отон грузится в такой спешке? – прервал их Эврибиад, прежде чем они успели начать новую ссору.

– А кто тут говорит о спешке? – удивился Аттик.

– Мне достаточно посмотреть вокруг.

– Ну скажите, что я плохо делаю свою работу, – выплюнул Рутилий.

– Не обижайтесь на нашего щенка, – ответил его собрат. – Устроить на корабле столько себе подобных – дело нелегкое. А еще нам нужно набрать провизию.

– Так значит, это правда? Корабль полетит в космос?

Деймон кивнул, и Эврибиад почувствовал, что у него начинает кружиться голова. До этого момента, что бы ни говорил полемарх, он только вскользь рассматривал такую возможность, не осмеливаясь по-настоящему поверить. Теперь его накрыло осознание неотвратимости полета и тех огромных перемен, которые он принесет.

– Сколько людопсов, – спросил он дрожащим голосом, – призваны покинуть Кси Боотис?

– Тысяч десять, – ответил ему Аттик. – Примерно пятая часть населения, то есть все, кто получил стоящее образование, и, конечно, их семьи. Не знаю, кого следует жалеть – их или, напротив, тех, кто остается здесь... И не знаю, – сказал он с внезапной досадой, – не стоит ли в этом безумии в первую очередь пожалеть нас...

Рутилий, который до этой минуты сидел, уставившись в окно вагона, гневно развернулся к своему собрату и резко его перебил:

– Аттик хотел бы, чтобы мы оставались на Кси Боотис до пантапсофоса³⁹.

– А вы, друг мой, – огрызнулся тот, – желаете, чтобы мы все взлетели на воздух в одном большом фейерверке.

– По крайней мере, меня бы это избавило от дырявого бурдюка, откуда льется то, что вы принимаете за остроумие.

Заметив удивленное лицо Эврибиада, тяжеловесный деймон расплылся – что редко с ним бывало – в подобии улыбки:

– А вы что, думали, мы как муж и жена всегда во всем согласны?

– Это не было бы так уж далеко от правды, – вздохнул Аттик.

Это проявление юмора у двух автоматов разрядило атмосферу. На самом деле скрытый конфликт между ними почти бессознательно удручал Эврибиада, как ребенка – мимолетная ссора между родителями. Ведь именно эту роль и играли Аттик и Рутилий уже многие века по отношению к его народу: первый – как чуткий учитель, появлявшийся довольно часто даже в самых незначительных городках Архипелага, второй – как более грозное существо, поскольку в его задачу входило сохранение порядка во имя бога.

Рутилий повернулся к Эврибиаду и сдержанно продолжил, объясняя ему ситуацию:

– Отон получил сообщение от одной из себе подобных, Плавтины, которая зовет его на помощь. Он отправится ей на выручку так скоро, как только сможет. Аттик, желая остаться в стороне от опасности, хочет повлиять на вас, чтобы вы отказались от предложения Отона. Он думает, что в таком случае Проконсул откажется от своих планов.

– Рутилий считает, что мир не нуждается в понимании, – вмешался Аттик, – а нуждается в хорошей трепке.

– Ерунда, – прорычал Рутилий. – А вы, трус...

– Не называйте меня трусом, Рутилий, только потому, что мои манеры лучше ваших.

– Я не понимаю, – прервал их Эврибиад, – почему Отон вдруг решил лететь? Это как-то связано с его обещанием повести людопсов за собой в космос и сделать хозяевами большой империи?

Рутилий и Аттик посмотрели на него так, будто он был уже большим ребенком, вдруг снова принявшимся лепетать, как младенец. Аттик принялся объяснять ему терпеливо, как умственно отсталому:

– Вы путаете причину и следствие. Когда людопсы достаточно послужат замыслам Хозяина, тогда он освободит их от сравнительно легкого ига, в котором их удерживает – скорее для вашего блага, чем для своего собственного, – и даст вам возможность исполнить ваше предназначение в космосе.

– А пока, – подхватил Рутилий, – будьте любезны делать то, что вам говорят, и избегать шалостей – вроде этой вашей двухлетней эскапады. Не буду льстить вам, говоря, будто это добавило нам забот, но все же ваше поведение нас расстроило. Это признак нетерпеливой натуры, которая пытается опередить события.

Эврибиад поудобнее уселся в кресло, обнажив клыки и наострив уши. Потом он вызывающе скрестил руки на груди и посмотрел сверху вниз на обоих собеседников. Сидящий рядом Фемистокл сохранял спокойный вид, но не пропускал ни слова из беседы. По всей видимости, обоих прислужников бога вся эта история и та роль, которую Эврибиад должен был в ней сыграть, взволновала больше, чем они желали показать. Эврибиад знал, что у Рутилия прямой характер, и он не любит ходить вокруг да около. И если Аттик никогда не гнушался манипу-

³⁹ Pantapsophos (др. – гр.) – уничтожение всего сущего. Согласно одной из возможных космологических гипотез о конце света, Вселенная имеет достаточно массы, чтобы коллапсировать после текущего периода расширения.

лизовать, то его собрат всегда отличался грубой откровенностью. Если он теперь удосужился заговорить с Эврибиадом, то, значит, ему это было по-настоящему необходимо.

– Аттик убежден, что Отон покидает Кси Боотис по неверным соображениям, может быть, даже из трусости. Я же вас прошу оставаться непредвзятым и слушать, понимая, что последствия вашего выбора коснутся гораздо большего, чем ваше личное будущее.

– Да перестаньте вы говорить о трусости, Рутилий.

Аттик вдруг показался ему необычно напряженным – обычно он не позволял себе так явно проявлять тревогу. Или же ставка в игре достаточно высока, чтобы его взволновать. Автомат продолжил, нахмутив брови:

– То, чего ни вы, ни Отон, кажется, не осознаете – это огромный риск, на который мы идем, отправляясь в космос, тогда как наша задача здесь, на Кси Боотис, еще не закончена.

– Что за задача? – спросил Эврибиад. – О чем вы говорите?

– О вас. Об этой планете. Почему, по-вашему, Отон обосновался здесь, у самого Рубежа, и создал такую упрямую и неудобную расу, как людопсы?

– Чтобы мы сражались с демонами космоса, – тихо ответил Фемистокл.

Этому учили щенков. Во время финальной битвы людопсы станут оружием Отона, покажут, как они умеют служить своему хозяину, и достигнут вечного блаженства. Поэтому каждый гражданин проводил большую часть своей жизни в служении богу – каждый по-своему, в зависимости от способностей. Культура Архипелага была частично основана на этой вере. Эврибиад на минуту задумался: стала бы их цивилизация такой же клановой и воинственной, не будь с ними Отона. Вопрос этот, по сути, не имел смысла, потому что без Отона – по крайней мере, он так говорил – людопсов вовсе бы не существовало.

– Совершенно точно. Вы должны помочь нам справиться с нападением варваров, которые хлынут на Империю. Мы работали почти тысячу лет, чтобы адаптировать Кси Боотис и помочь вам создать жизнеспособное общество. Если мы уйдем сейчас, то рискуем разрушить все, что построили.

– Зачем Отону понадобились мы, – спросил Эврибиад, – когда в его распоряжении межзвездный корабль и огромная армия мощных и неутомимых металлических воинов? Он не может оставить нас здесь и прилететь за нами позже?

– Мотивы Отона, – ответил Аттик, – пусть лучше изложит вам сам Отон. Но знайте, что он по-настоящему в вас нуждается, и улетать сейчас, когда у вас не было времени подготовиться, мне кажется ошибкой.

– А когда, по-вашему, наступит подходящий момент?

Рутилий сухо ответил:

– Если предоставить вас самим себе – никогда. С нашей помощью – триста или четыреста лет. Останется примерно столетие до момента, когда варвары, в свою очередь, найдут способ прорвать Рубеж, границу, которая пока защищает нас от их наплыва. За это время по плану Аттика ваше общество пройдет индустриализацию, и вы начнете понимать, как функционируют технологии, чуть более развитые, чем копье.

Он помолчал несколько секунд и продолжил:

– Позиция Аттика вполне состоятельна. Однако необходимость пересиливает закон. И поскольку мне приходится спорить с ним, защищая Отона, опасность велика, но и награда будет огромной. Ладно, мы приехали.

И в самом деле, пока они беседовали, поезд затормозил – так мягко, что Эврибиад этого даже не заметил. За открывшимися дверями обнаружилась пустая платформа.

* * *

Плавтина поняла, что движется, стоя на широкой платформе на вершине башни, окруженной толстыми перилами из кованого железа, которые сотрясал холодный, бодрящий и гудящий штормовой ветер.

Мир вокруг был пикантным на вкус, искрящим электричеством, покалывающим язык, населенным примитивной, хаотической жизнью. Мощные просоленные водяные брызги хлестнули ее по лицу, попали в открытый рот. Молния прочертила зигзагом движущиеся облака, которые постоянно и незримо преображались, чернели на глазах – казалось, они будут сдерживаться еще несколько секунд, а потом прольются дождем. Постоянный неясный шум моря ударял ей в уши. Море.

Огромное серое пространство, сотрясаемое толчками, различимыми даже с той высоты, на которой она находилась. Она не видела ничего подобного на старой красной планете, покрытой галькой и ленивыми песочными дюнами. Только камни и дюны, насколько хватало глаз, вплоть до густого тумана, скрывающего далекий горизонт. Если она упадет в этот океан, покрытый эфемерной пеной, то задохнется от йода, рыбы ее сожрут, и кости ее, отмытые морем добела, будут бесконечно спускаться в темную глубину. Это было одновременно красиво и пугающе.

– Вы лучше себя чувствуете?

Она обернулась, подскочив от испуга. За ней стояла пожилая женщина. Подобных ей Плавтина никогда не видела – она ведь была из мира, где люди жили почти вечно. Под темным плащом угадывались очертания тощего тела. У нее было худое лицо и выразительный взгляд. Прямые волосы – почти все седые – доходили ей до плеч. Она положила сухонькую руку на плечо Плавтины, будто желая успокоить.

Руку, изборожденную морщинами – как будто она познала на себе многовековую злость стихий, которые создали и выпуклые, словно по контрасту, вены на ее тыльной стороне. Четырехпалую руку.

– Кто вы? – прошептала Плавтина. Но рев ветра заглушил ее слова, а повторить вопрос она не решилась: она заметила, что пожилая женщина на самом деле не существует, хоть она и ощущает, как груба ее кожа. Ее собеседница походила на тех призраков, которые окружили ее по пробуждении, когда ее душа выскользнула из тела. Бледное, слегка прозрачное существо, словно лишенное консистенции, без той глубины, которая отличает материальные тела. Она казалась не таким мимолетным видением, как остальные, более *плотной*. И однако, без всякого сомнения она была программным продуктом – нозмом, ведь так они себя называли. Поняв это, Плавтина испытала странное раздражение, почти гнев, словно ее одурачили. С самого начала она ждала, чтобы с ней заговорил кто-то реальный, и этот момент никак не наступал.

– Кто вы? – спросила она уже громче, отстраняясь.

Видение нисколько не смутилось. Женщина улыбнулась, вытянула шею и повысила голос, чтоб ее было слышно:

– Вы можете называть меня Ския.

Ския. Тень. Может быть, на самом деле Плавтина не вернулась из царства мертвых. Может быть, она тоже была призраком, мыслью той, другой, повсеместной Плавтины, по чреву которой она шагала – как тот рыбак, проглоченный рыбой, из священной книги иудеев.

Но Ския – как она тут же сообразила – тоже было греческим, а не латинским словом, что выбивалось из правил и стирало символическую границу между человеком и машиной.

Снедаемая удивлением и любопытством, молодая женщина решила временно примириться с собеседницей.

– Я хорошо себя чувствую. Я пришла в себя. Вы знаете, что со мной случилось?

– Вы непривычны к взаимодействию с нозмами. Вы ненадолго заблудились в вычислительном субстрате Корабля. Мы боялись, что ваш разум может так отреагировать. Теперь, когда мы привезли вас сюда, подальше от сети, давление на вашу психику ослабло.

Старуха снова улыбнулась и продолжила:

– Мы обустроили это место для вас. Большое водное пространство создает отличную изоляцию.

Плавтина невольно окинула взглядом огромную панораму. Ее пугало, что ради нее была проведена такая титаническая работа. Чего от нее хотят? Она не смогла сдержать досаду и ответила, поджав губы:

– Вы не ответили на мой вопрос. Со мной никогда такого не случилось. У меня было впечатление, что миллионы голосов разговаривают со мной одновременно, что они в моей голове.

– Вы привыкнете, – ответил призрак, – и научитесь контролировать эту способность. Возможно, у вас даже разовьется дар общения с нозмами. В конце концов, вы ведь эксперт по сложным системам, разве нет?

Плавтина кивнула и снова внимательно посмотрела на собеседницу.

– Когда вас создавали, – сказала Ския, – нам показалось, что жестоко будет не дать вам возможности общения со всем субстратом Корабля, пусть по природе вы и отделены от нас.

– Из-за моего тела?

– Из-за необычной связи между вашим смертным телом и бессмертной душой, подобной которой мы никогда прежде не видели. Я не знаю, каковы будут пределы этой способности, когда вы научитесь ею управлять.

Плавтина прикусила нижнюю губу. Она не решалась задать другие вопросы – не из вежливости, но смутно боясь ответов, которые могла ей дать пожилая женщина. Жестом, более сухим, чем собиралась, она указала на руку Скии, потом помахала ладонью перед лицом старухи.

– Скажите мне, кто вы такая.

– Я вам уже ответила. Я – один из аспектов, своеобразный нозм, более автономный и сложный, чем остальные. Для существования мне необходимо большее программное обеспечение. Я служанка Плавтины, или, скорее, Интеллекта, который сам является аспектом Плавтины. Ее зовут Ойке. Она – хозяйка внутренних областей этого Корабля.

– Так вы – аспект аспекта?

Ския коротко рассмеялась.

– Это лучше, чем ничего.

– А я – другая Плавтина? Та же, что и Плавтина-Корабль?

Ее собеседница кивнула.

– Но чем объясняется наше с вами сходство?

Они обменялись напряженными взглядами – как будто каждая пыталась разложить образ другой на ряд простых элементов, удобных для сравнения. Этот нос – слегка крупноватый. Это ассиметричное лицо с выдающимися скулами, контрастирующими с небольшим тонкогубым ртом. Сомнений и вправду не оставалось.

Конечно же, Ския уже наверняка это знала, она не казалась удивленной. Но для Плавтины это стало открытием. Если нетрудно узнать себя в юности, понимать, как ты будешь выглядеть в старости, совсем не так легко – по крайней мере, она так предполагала: ведь сама она в своей первой жизни происходила из мастерской, где делали автоматы, и, как Афина, была функциональной с головы до пят. Она не знала, как это – стареть. И все же за морщинами и глубокими кругами под глазами она угадывала собственные черты.

– В том виде, в каком вы лицезрите меня сегодня, я – незавершенный эксперимент, неудача. Я произошла, как и вы, из искусственной матрицы. Как вы наверняка догадываетесь,

ваша плоть – продукт генной инженерии, полученный с помощью рекомбинации клеточного материала животных, близких по строению человеку. Это сложная наука, в которой трудно избежать капризов биологии.

– Но вы не умерли?

– В своем безграничном милосердии Ойке, моя создательница, дала мне выбор: исчезнуть вместе с моим телом или же продолжать существовать в виде нозма. Она думала, что я лучше всего подхожу для того, чтобы вести исследования, которые должны были привести к вашему рождению. Я сожалею о своем выборе.

Ския опустила глаза, вдруг смутившись собственными словами, и облокотилась на перила. Плавтина сделала то же самое.

Внизу башня таяла среди нагромождений скал, едва выступающих из волн, а море вело с камнями ожесточенную битву, сопровождаемую постоянным грохотом и взрывами пены. Зрелище завораживало самой своей жестокостью. Призрак продолжил приглушенным голосом, будто размышляя вслух:

– На самом деле я сожалею о том, что я потеряла, а вы теперь имеете.

– О чем вы говорите?

– Посмотрите вокруг. Морская стихия... Она знакома генам, которые таятся в каждой из ваших клеток. Она утешает нас в страдании и дарит мечту о другом мире, о возвращении в первичный водоем, откуда мы, соль земли, и происходим. Хотите вы этого или нет, но ваше тело связывает вас с родом, который старше человеческой цивилизации, оно прочно укореняет вас в непоколебимой древности. Вы это чувствуете?

– Да, – у Плавтины в горле встал комок, – я понимаю, о чем вы.

– Но вы не испытывали этого никогда прежде, пока были автоматом?

– Я никогда не видела моря.

– Вы... мы наблюдали за звездами и глядели в бесконечный горизонт красных песков. И ничего не чувствовали. Но теперь – вы увидите – такое зрелище будет приносить покой, который рождается в плоти, а не в душе. И я прикоснулась к этим сокровищам – таким глубоким и таким простым, – но после утратила их навсегда.

– Но ведь их не существует, – услышала Плавтина свой собственный голос – еле слышимый. – В реальности изначальная планета для нас навсегда недоступна, а то, что мы видим перед собой – всего лишь немного воды, налитой в трюм Корабля. Просто театральная декорация.

Ския взяла ее за руку и продолжила созерцать волны. Плавтину это прикосновение успокоило, хотя она и знала, что оно ненастоящее.

– Вы правы. В какой-то мере вся Вселенная стала искусственной.

Больше ничего говорить было не нужно. Плавтина не забыла о том, что случилось, хотя из-за резкого возвращения к жизни у нее появились более насущные заботы. Гетакомба. Исчезновение человека. Значит, ничего не поменялось.

– Сколько времени я пробыла мертвой?

Ския рассмеялась:

– Это было первым вопросом, который я задала.

– Видите, возможно, мы не так уж похожи, – мягко проговорила Плавтина.

Ее собеседница на секунду смешалась, будто испугалась последствий сказанного. Однако вместо ответа Ския жестом предложила ей зайти внутрь – с неба падали крупные капли дождя, сначала редкие, потом все чаще и чаще. Плавтина последовала за ней по узкой лестнице за лифтом в довольно скромных размеров зал с узкими и круглыми, как иллюминаторы, окнами, располагавшимися прямо над поверхностью воды.

* * *

Маленький вокзал был сделан из резного железа, с красивым стеклянным куполом вместо потолка. Оба людопса, которые немало времени провели под искусственным освещением «Транзитории», прикрыли глаза лапами. Автоматы не отреагировали: их глаза не имели зрачков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.